

18+

Название: Дети Островов

Автор: fandom Mystic & Horror 2025

Бета: fandom Mystic & Horror 2025

Канон: ориджинал

Размер: макси, 18477 слов

Пейринг/Персонажи: Эйдан, Хине, Тамо и другие

Категория: джен, гет, другие отношения

Жанр: AU, мистика

Рейтинг: PG-13

Краткое содержание: Хине учится в Школе Островов, самом престижном магическом учебном заведении на планете. Но кошмары вторгаются в её жизнь всё чаще. Она сталкивается с ними и во сне, и наяву. Но путь её во мраке неведения не одинок, с ней её друзья...

Предупреждение: насилие

Для голосования: fandom Mystic & Horror 2025 — "Дети Островов"

(Книга Эпох. Начало)

Когда в 2027-м году Эры Бога-Сына из Тауэра исчезли вороны, а реки мира окрасились кровью, люди ждали самого страшного: пришествия Антихриста, предсказанного в Библии, священной книге той эпохи. Но вместо четырех всадников Апокалипсиса в мир хлынули орды чудовищных существ и призраков всех мастей.

Эти монстры и призраки были детьми древней сущности, вызванной в ходе оккультных действий, которые практиковали сильные мира сего. Заключив договор с теми, кто по глупости и самонадеянности открыл им врата, существа ночи ринулись в мир людей. Те, кто выпустил их, выторговали жизнь себе и своим близким, но не озаботились тем текстом, что был написан мелким шрифтом в самом конце договора. Они и их близкие стали сосудами для высших существ, являвшихся частями единой сущности, Матери Теней.

Спустя несколько недель в разных частях мира были произведены направленные взрывы внутри вулканов, осуществленные этими одержимыми созданиями. Плотный шлейф вулканического пепла укрыл планету от солнечных лучей. Теперь призраки и порождения ночи могли спокойно охотиться и истреблять человеческие стада, которые увеличились с момента последнего прихода Матери Теней, случившегося во времена сгинувшей во тьме веков цивилизации Атлантиды.

В ходе последовавших так называемых Призрачных войн человечество сильно поредело, но уцелели большие группы в разных частях света. Они вели непрекращающуюся битву с порождениями ночи и теней, используя как подручные средства вроде серебра, ультрафиолетовых излучателей, так и известные им магические практики. Духовная эволюция уцелевших людей ускорилась в прогрессии. Редкий человек за исключением совсем уж древних стариков и тех, кто противостоял любым проявлениям духовности, не обрел Виденье. Чувствительность людей очень сильно возросла, и это помогало им выжить.

Взрывы вулканов не только покрыли землю одеялом из пепла, но и сильно перекроили земной лик. Спустя еще три года Солнце странным образом изменило спектр излучения. Теперь его свет каким-то образом проникал сквозь плотную завесу, окружившую обледенелую Землю, растворяя покров из пепла. Пепел стал быстро оседать, и на удобренных им землях начала появляться бурная растительность.

Северная и Южная Америки были частично затоплены, уцелели лишь районы, находящиеся в максимальном отдалении от Йеллоустоунского Кратера.

На прибрежной линии обитали разрозненные племена, объединить которые сумели лишь спустя почти полвека Сорроу и Юджин, женщина и мужчина, родившиеся во враждующих кланах. Эти двое заключили брак — и вместе с ним союз, объединивший большую часть племен.

На Евразийском континенте нашествие призраков истребило большую часть населения. Оставшиеся люди объединились, невзирая на разные нации, религии и цвет кожи. Их объединила женщина, прозванная людьми Матерью Мира. Для многих она стала истинной святой, сумевшей проложить пути между зачастую враждебными группировками и начавшей восстанавливать мир. Могучие города были возведены под ее руководством, и лучший из них, Серебряный Город, стал столицей всего континента. Правнук одной из старших дочерей Матери, носивший имя Юрий, был первым за почти сотню лет, кто попытался наладить связь с другими континентами и островами. Его дело продолжили уже его дети и ученики. Так между разными концами земли были проложены торговые и информационные пути, в основе которых лежала опять же магия, ставшая главенствующей силой нового мира.

Одновременно с этим ученые и мистики продолжали изыскивать способы полностью победить Вторжение. И это случилось спустя почти тысячу лет Эпохи Тьмы. Группе могущественных магов, воплощенных в людских телах богов Света, объединив усилия, удалось призвать осколки Матери Теней, воплотившиеся в носителях, и заключить в кольцо из небесного металла. Пятерым из этих магов их подвиг стоил жизни. Лишь один из них выжил и сумел спрятать кольцо так, что адепты Тьмы не могли отыскать его. То была временная мера, но даже она была лучше, чем ничего.

Но изменения продолжались. Многие старые земли были затоплены взбунтовавшимся океаном, но также были и поднявшиеся острова, и небольшие континенты, на которые переселялись люди с затопленных местностей. Большая их часть поднялась в тропических широтах.

Поднявшаяся из воды цепь островов дополнила уже существовавшую Полинезию на многие сотни миль. Здесь, на чистой и новой земле, появились новые виды животных и растений, а переселившиеся сюда с уцелевших островов и континентов люди построили странную, но гармоничную цивилизацию, в основе

которой лежала культура маори. Знаменитейшая Школа Островов принимала подростков и молодых людей со всех концов обновленного мира. Гигантский комплекс на семнадцати островах, больших и малых, казался белоснежным кружевом, сотканным из лунного света. Долгое время Школа Островов была единственным по-настоящему безопасным местом на планете. Почти восемь сотен лет если родители желали лучшей судьбы для своего дитяти, то по наступлении пятнадцатилетия его отправляли в Школу Островов. Но пришли смутные времена, когда, казалось, ушедшее зло вернулось. Никто не знал, почему призраки снова явились в мир, который еще помнил их первое пришествие. По какой-то причине первое время Школа Островов была отчасти защищена от массового их вторжения. Но вскоре это изменилось...

1. Призраки и кошмары

Хине бежала через коридор, трясясь от страха. Ледяное присутствие следовало за ней, шарахаясь от редких горящих светил на стенах. На мгновение ей почудилась ледяная ладонь, обвившаяся вокруг шеи. Хине с воплем рванулась вперед, чувствуя сопротивление. С треском разорвалась просторная ночная рубаша, сползая с тела. Хине на каком-то непостижимом усилии воли промчалась к двери в конце коридора и ударилась о нее всем весом своего небольшого тела. Дверь неожиданно распахнулась, и она влетела в спальню, тонувшую в сумраке.

— Помогите! Оно здесь! — девушка, задыхаясь, бросилась к высокой фигуре, поднявшейся с постели. Ледяное щупальце увереннее оплело ее горло, но почти сразу же прикосновение исчезло. Яркая вспышка разорвала тьму, отбрасывая порождение Грани обратно в коридор. Спустя еще миг вторая рослая фигура встала между Хине и призраком. Осыпаемый едкими обжигающими вспышками магии, тот нехотя просочился сквозь стену, оставив на ней облако эктоплазмической слизи. Хине, дрожа всем телом, прижалась к стене подальше от двери.

Дверь захлопнулась. Оба мужчины шагнули к ней. Высокий, ослепительно красивый, с проседью в некогда темных волосах, директор Гарм легким движением сорвал покрывало с постели, соорудив себе подобие тоги. Его напарник, чуть ниже ростом, светловолосый и мускулистый Заклинатель Волн Эйдан Лейн, уже успел надеть штаны и теперь смотрел на перепуганную гостью со странным выражением. Хине ощутила себя так, словно ее ударили под дых. Боги Вечности, что же она натворила! Ворваться в спальню не просто к старшим, а к директору школы! Хине стиснула руки на груди, чувствуя, как ледяной холод расплзается в груди. Если ее отправят обратно домой, ей незачем жить.

— Эй, спокойно, девочка, — Эйдан осторожно приблизился, — присядь, ты сама не своя.

Он обхватил трясущуюся от страха девушку и аккуратно переместил ее в старинное огромное кресло.

— Не выгоняйте меня в ночь, умоляю... — Хине судорожно всхлипнула, вцепившись в подлокотники.

— Тише, малышка, никто тебя не собирается выгонять, — светловолосый опустил на одно колено и осторожно отер слезы с ее щек. — Расскажи, как вышло так, что ты бродила одна по коридорам? Ведь двери в спальни учеников зачарованы, умертвия неспособны пройти сквозь них.

— Я спала, профессор, просто спала. И мне снилось, что я иду куда-то с друзьями. А потом я оказалась уже в коридоре, — Хине шмыгнула носом, поежившись, — а впереди увидела мальчика, младшекласника, наверное. Он меня позвал за собой, рукой махнул. Я подумала, что, может, ему помощь нужна, и пошла за ним. И поначалу было как-то... как во сне. А потом я поняла, где я, и оно... этот призрак... он погнался за мной. Профессор, умоляю, не отправляйте меня домой, лучше сразу убейте.

— Успокойся, никто тебя никуда не отправит, — от низкого отрывистого голоса профессора Гарма по телу ее пробежали мурашки. — Ты говоришь, что очнулась уже в коридоре, но это невозможно, если только...

Он поменялся в лице, и Хине с такой силой стиснула подлокотники кресла, что пальцы заболели. Очень уж стало жутко.

— Эйдан, будь добр, принеси юной хала одежду, — Гарм отошел к окну и встал так, что лунный свет обливал призрачным сиянием его лицо. Хине подумала, что за такого мужчину многие бы отдали все, что имели. Но сейчас профессор Гарм пугал ее чуть ли не до смерти.

Светловолосый вышел через маленькую дверцу в дальнем углу. Почти сразу Гарм метнулся к Хине, вжавшейся в спинку кресла.

— Мальчишка, которого ты видела, выглядел так? — образ прыгнул в сознание, заставив взвыть от ужаса. Хине закивала, глядя на старшего как птица на змею.

— Да, это он... он...

С губ Гарма сорвался глухой стон, но почти сразу он взял себя в руки, поднялся и снова отошел к окну, отвернувшись. Неслышной тенью рядом с Хине возник Эйдан с небольшой стопкой одежды. Только сейчас она вдруг поняла, что на ней нет ничего кроме жалкой аху, в которой она легла спать. Даже нагрудника нет. Съежившись, она попыталась прикрыться. Эйдан положил одежду ей на колени и отвернулся, встав плечом к плечу с Гармом.

Хине торопливо оделась, натянув штаны и длинную рубаху до бедер, и сразу почувствовала себя лучше. Все-таки почти голой прыгать перед двумя мужчинами не лучшая идея. Мама бы не одобрила...

— Позволь задать тебе еще один вопрос, — голос директора звучал глухо, измученно. — Как так вышло, что ты сумела сбросить чары призрака?

— От боли, профессор, — шмыгнула носом Хине. — Я просто шла, а потом споткнулась о половицу, пальцы на ноге расшибла. Очень больно. Поняла, что я в коридоре, а за мной гонится призрак. А впереди бежал тот мальчик, я подумала, что лучше уж за ним, чем в объятия мертвеца. Он меня довел до вашей комнаты и исчез.

— Идем, малышка, — мягко произнес Эйдан, повернувшись, — я отведу тебя в твою комнату. Заодно погляжу, что там с дверью.

Хине закивала, обрадованная тем, что не придется плестись через половину замкового крыла в одиночку. Приключений ей и так хватило.

Она брела, вцепившись в руку Эйдана обеими руками, боясь отлепиться от него. Но, видимо, умертвия боялись этого человека, такого огромного, сияющего в сумраке, как большая светильня. Ни одно не рискнуло носа высунуть.

Они дошли до двери в комнату с изображением сумчатой кворры на темной поверхности. Эйдан аккуратно вынул пальцы из мокрых от пота ладоней Хине и коснулся дверной ручки. Нахмурился, и сразу его лицо стало грозным и страшным, хуже, чем у директора. Хине прикусила губу, чтобы не расплакаться. Но вот лицо Эйдана смягчилось. Он аккуратно повернул ручку, открыв дверь, взмахом руки зажег все имеющиеся в комнате светильни. Тириот, Адини и Саджа проснулись сразу и сели на своих постелях, протирая заспанные глаза и с удивлением глядя на визитеров. Хине выдохнула, только сейчас сообразив, как сильно боялась за них.

— Оставьте светильни гореть, — мягко произнес Эйдан, — до утра еще долго, дети. Спите спокойно. Доброй ночи, и да пребудет с вами Свет.

Хине невольно дернулась за ним, но светловолосый уже вышел и запечатал дверь, залившуюся бледным золотистым сиянием.

— Что случилось? — спрыгнул с постели Тириот. — Ты в порядке?

Хине обессиленно опустилась в кресло у камина и, наконец-то, дала волю слезам. Адини тоже поднялась, завязывая узлом свои длинные, почти до пят, волосы. Саджа присел рядом на подлокотник, поглаживая Хине по голове. Адини широко зевнула и потрясла головой, явно не соображая, что делать.

— Воды принеси, — велел ей Тириот, опустившись на колени и растирая ладони и ступни ревущей в голос Хине. Пальцы его умело массировали нужные точки, и постепенно Хине успокоилась. Адини приволокла большой кувшин с холодной, надушенной лепестками цветов водой и сладости, оставшиеся с ужина.

— Так что случилось-то? — спросила она, с любопытством глядя на подругу. — Я подумала было, что совсем фэшнат, если уж Заклинатель Волн пришел к нам вместе с тобой.

Хине выпила полную кружку воды и протянула за добавкой. Ее все еще немного потряхивало, но она наконец-то смогла говорить. Сбиваясь и шмыгая носом, она поведала о страшном ночном приключении.

— Я не хотела, честное слово, — сказала она напоследок, виновато глядя на друзей, — но и остановиться не могла.

— Мне больше другое интересно, — заметил Саджа, самый рассудительный из их компании. — Ты говорила, что директор знал этого мальчишку. Транслировал тебе его образ. Он больше ничего не сказал?

— Ничегошеньки, — вздохнула Хине, сделав еще глоток воды, — но на него смотреть страшно было, лицо изменилось.

— Что-то он про этого парня скрывает, — буркнула Адини, подбрасывая пару поленьев в почти потухший камин и раздувая огонь заклятием Дыхания Ветра. — Надо же, не знала, что они с Заклинателем Волн пара. Да и в школе об этом ничего не говорят.

— Только попробуй кому-нибудь сболтнуть, — устало произнес Тириот. — Это все-таки преподаватели, не ученики. Так что держи язык за зубами, Дин.

Адини показала ему язык и устроилась под надежной Саджиной защитой. Северянин, хотя и был самым младшим из их группы, превосходил старшего Тириота комплекцией и силой.

Тир хмыкнул и потер переносицу по привычке. Когда-то он носил очки, но первое, что сделали знахари Школы Островов, когда он прибыл на обучение, — вылечили ему глаза. Тириот был старшим из шестнадцатой Семьи группы Сумчатой Кворры, худощавый, жилистый, с изумительно красивым лицом и черными, всегда чуть сощуренными глазами. Девчонки по нему с ума сходили, да и от парней прилетали интересные предложения о совместном времяпрепровождении в каникулы. Но темноволосый красавчик предпочитал книги любым шашням, а его друзья ревниво оберегали его покой от всяких покушителей.

— Давайте спать, — сказал Тириот, подумав минуту, — утром обсудим на завтраке. А то урок сложный будет, а вы невыспавшиеся. Так что марш по постелям. Утром, все утром.

— Раскомандовался, — проворчала Адини, впрочем, подчиняясь диктату старшего. — И вообще я не хочу спать.

Выдав это утверждение, она забралась в свою постель и уснула почти мгновенно самым сладким сном. Саджа, помедлив, последовал ее примеру.

— Тир, — Хине сглотнула комок в горле, — можно я с тобой лягу? Мне... неудобно как-то.

Тириот повернулся, взмахом руки расширив свою постель до двойного размера, и сделал приветливый жест, приглашая подругу. Хине со вздохом вылезла из кресла и улеглась на краешек Тириотовой кровати. Он улегся рядом и осторожно погладил ее по плечу.

— Не бойся, — его низкий холодный голос успокаивал и где-то внутри создавал островок покоя, — я наколдовал временную привязку. Если что-то тебя снова попытается выманить, я проснусь и...

Хине повернулась и уткнулась носом ему в грудь. Привязка — это хорошо, это то, что надо. С привязкой ее не уведешь, как ни старайся. Нет, правда, какой был бы ужас, если бы с ребятами что-то случилось из-за нее. Дверь-то была не заперта.

Хине закрыла глаза, возвращая в памяти свое прибытие в Школу Островов. Ее отправил сюда отец, якобы чтобы дочь получила достойное образование, в реальности же потому, что младший братишка Теке подрос и в услугах ее больше не нуждались. Она помнила, как обнимала брата, разрывая те узы, что сплела в своем сердце. Слезы капали из ее глаз на растрепанную макушку, а Теке досадливо мотал головой, пытаясь выбраться из ее объятий. Но транспорт уже ждал, и ей пришлось вначале ехать почти сутки до ближайшего порта, а потом на русалочьем пароме плыть до Кивао, одного из окраинных Островов, на которых располагалась школа магии.

Саджа, здоровенный северянин с почти белой гривой волос до пояса и пронзительно-голубыми глазами, плыл вместе с ней, они делили один крошечный пятачок на палубе, прижимаясь друг к другу, чтобы защититься от пронизывающего ветра Белой Линии. Саджа присматривал за ней, маленькой и хрупкой, особенно после того, как один из пассажиров попытался познакомиться с Хине и навязать ей свое общество без ее на то согласия. Саджа появился неожиданно, одной рукой взял за шиворот незадачливого ухажера,

другой аккуратно задвинул перепуганную Хине за спину. А потом так тряхнул парня, что тот едва штаны не потерял и до конца поездки старался держаться подальше от огромного северянина. А Хине, наоборот, старалась держаться к Садже поближе.

Их встречали старшие преподаватели Школы. Откуда-то издалека доносилось пение. Позже Хине узнала, что гимном Школы приветствовали всех прибывающих. А тогда она с удовольствием вслушивалась в переливающуюся мелодию и нежные высокие голоса.

В самом сердце глубокого моря
Отыщу я жемчужину белую,
Подниму ее из глубины.
Как сияет она в лучах солнца!
Но ярче сияют белые,
Жемчужно-белые башни
На островах, сплетенные магией,
Сплетенные дружбой и любовью.

В школе уже их определили в Общий Дом, где жили ученики младших классов. Распределили на группы по уровням душевной близости и объединили в Семьи по четыре-пять человек. Двадцать пять Семей объединялись в группу. Их группа носила знак и наименование Сумчатой Кворры, зверя-покровителя, качества которого объединяли ребят.

Адини Ло-Фрейн, невысокая, «в каждой бочке затычка», обладательница роскошной гривы густых блестящих черных волос, появилась спустя день после заселения, прибыв со вторым паромом. Она была бесстрашной, веселой и язвительной. Ее смуглая матовая кожа контрастировала с удивительно светлыми зелеными глазами. Ей было семнадцать с половиной лет, и она была очень любвеобильна. Она успевала все: и учиться, и разносить новости, и встречаться в укромных уголках с симпатичными ребятами. Хине искренне и по-белому завидовала ее общительности и умению с каждым найти общий язык. Но саму ее

больше привлекал всегда железно спокойный и удивительно умный Тириот — Птица Снов, прибывший откуда-то с Запада, из-за Огненных Пустошей Йоррастуна. Тир был одним из красивейших парней школы, но, на удивление, не пользовался своей популярностью в любовных целях. Ему уже исполнилось восемнадцать лет, но, по словам вездесущей и всеведущей Адини, никто не мог похвастаться его благосклонностью. Зато на правах старшего Тир старался заботиться обо всех членах своей Семьи, да и о других младших Кворрах тоже заботился.

Самым юным из них, как ни странно, оказался Саджа. Он был немного моложе Хине, которой только в школе исполнилось семнадцать лет. Хотя выглядел даже старше, чем Тир, благодаря внушительной комплекции и суровому выражению лица. Он тоже оказался весьма популярен среди любвеобильной и увлекающейся молодежи школы и даже иногда позволял себе мимолетные встречи с симпатичными возлюбленными обоих полов. Но, как и Тир, предпочитал учебу любовным приключениям.

Хине те Поури не считала себя ни красивой, ни умной. Хрупкая, тощая, совсем невидная, вот разве что глаза, огромные и прозрачно-серые, были хороши. Но Хине боялась чужого внимания, боялась до дрожи в коленках мужчин и парней. Мама всегда внушала ей, что мужчины жестоки и подлы и что нет от них никакого толку. Что могут лишь причинять боль. Однажды Хине стала свидетелем того, как Коухату те Поури, ее отец, толкнул маму, пытавшуюся обнять его, переступил через ее тело и ушел. Это зрелище отпечаталось в ее памяти самым жутким событием жизни. А после были два года во власти чужой душевной боли и боль физическая, когда мать вымещала на ней свою боль за подлость отца. И когда после смерти мамы отец забрал Хине к себе, она понимала, что не нужна ему, как не была нужна Калани Маранг. За свою жизнь она ни разу не услышала от него ласкового слова, хотя, хвала Владычице Мира, он и не бил ее. За одно это Хине была ему благодарна. А что использовал как прислугу для работ по дому и заботы о лекарственной оранжерее, так к этому Хине была привычна с детства. С оранжереей даже отлично вышло: она

узнала названия многих лекарственных трав и цветов, научилась различать их, использовать в отварах и настоях.

А потом появилась Леонора, а позже маленький Теке, ее единственное счастье и радость, братик, выросший у нее на руках. Его-то отец лелеял и берег...

Хине задремала с мыслями о Теке. Рядом с Тиром было спокойно и уютно, даже его запах будил в ней не тревогу, а тепло и нежность, совсем как Теке.

Ей снился бескрайний океан, а сама она стояла на крошечном островке, большую часть которого занимал маяк. Она слышала голос Теке, звавший ее, но никуда не могла двинуться. Что-то сильно давило грудь. Она скосила взгляд и обнаружила конец длинной белой цепи, выходившей прямо из грудной клетки и тянувшейся к маяку. Надо к Теке, она нужна ему. Хине взялась за цепь и потянула, пытаясь вытащить из себя. Заболело сердце, и боль была такой сильной, что она проснулась... и обнаружила, что сидит, спустив ноги на пол.

— Хине, — тихий голос Тириота окончательно выдернул ее из объятий сновидения, — ты куда?

Она улеглась обратно, прижавшись к его груди.

— Никуда... плохой сон приснился. Кажется, твоя привязка сработала, разбудила меня.

Тир погладил ее по голове и обнял, укрывая своими руками от зла, бродящего за границей сна.

— Хочешь, я немного тебя заколдую, чтобы не лезло всякое? — спросил он тихонько, прижавшись губами к ее уху. — Оно, конечно, голова будет завтра побаливать, но лучше так, чем снова что-то полезет к тебе.

— Давай, — обрадовалась Хине. — Уж головную боль я перетерпеть могу.

Тир нежно помассировал ей виски, шепча заклинание. Почти сразу стало тепло и спокойно, а потом Хине уснула как убитая, без сновидений и кошмаров.

2. Акула и новый друг

Первый урок проходил у атолла Кахуранги. Синева здешних вод казалась отражением небесной синевы, потому и название такое получило это место. К тому же Кахуранги был перевалочным пунктом, с которого новоприбывшие ученики распределялись по островам Школы.

— Нырание за ракушками как урок сверхвосприятия? — удивлялась Адини, сворачивая свою буйную гриву в тугой тяжелый узел на затылке. — Это как? И зачем?

Хине потерла ноющий затылок и припомнила теорию:

— Ну, как определить, есть ли в раковине жемчужина? Так ведь и не скажешь сразу. Нужно особое ощущение, чтобы понять это.

— Ага, стать на время ракушкой, — ухмыльнулся Саджа, стаскивая с себя одежду и оставаясь в одной аху на узких бедрах. — Это просто на самом деле.

— Почти так же, как с людьми или зверьем больным или раненым. Чтобы узнать, надо слиться с существом и ощутить его боль. — Хине вздохнула, застегивая на поясе сетку для ракушек и ножны с острым ножом для обрезки биссусных нитей.

— Легко тебе говорить, — Адини проводила взглядом рослого мускулистого парня с татуировками на плечах. — Это ведь только эмпаты умеют.

— Всему можно научиться, — задумчиво произнес Тир, аккуратно складывая свою одежду в стопку, — и если бы кое-кто больше читал или хотя бы слушал уроки, то знал бы, что для временного обострения чувствительности нужно лишь одно коротенькое заклинание.

— И какое же? — Адини уставилась на него с надеждой.

Тир вздохнул. По его лицу Хине могла бы сказать, что у него чешется язык преподать нерадивой ученице урок. Но Адини тоже была кворрой, как и все они.

— Марама нгакау, — тихо сказал он, цепляя на бедра пояс с сеткой и ножнами, — не забудь.

— Марама нгакау, — повторила Адини, — «ясное сердце». Спасибо, братец Тир!

С этими словами она рыбкой ушла под воду. Хине вздохнула, бросив взгляд на мощную спину Саджи, который уже плыл к скале в центре атолла. Почему-то было тревожно. Она не могла бы объяснить, почему тревога покусывает ее сердце. С трудом отогнав приступ непонятной тоски, Хине нырнула и поплыла под водой, наслаждаясь прохладой и чистотой. Здесь, в океане, было спокойно и уютно. Как и многие из коренных обитателей этих мест, изменившихся за почти тысячу лет, прошедших с окончания Эпохи Мрака, она была двоякодышащей. Обычно на суше ее маленькие жабры были прикрыты кожной прослойкой, и дышала она легкими. Но сейчас, под водой, она с удовольствием сдвинула защиту, позволив чистой воде струиться в жабрах. Голова немного кружилась, но на сердце стало легко, и Хине с улыбкой поплыла вперед, нагоняя друзей.

Обнаруживать ракушки с жемчужинами оказалось проще простого. Достаточно было одного касания, чтобы понять, есть ли что-то, что тревожит нежную паренхиму. Чем крупнее была жемчужина внутри, тем сильнее был дискомфорт, исходящий от ракушки. Хине

быстрыми движениями обрезала биссусные нити и складывала раковины в сетку. Она немного замешкалась, разглядывая донные растения и рыбок, когда темная тень накрыла ее. Хине вскинула голову и оцепенела от ужаса. Прямо над ней проплыла акула. Паника хлестнула осьминожьими чернилами, затопив сознание. Акула? АКУЛА?! Как? Откуда? Обычно атоллы тщательно охранялись от этого зла глубин. Глубинная стража не допускала появления опасных хищников даже вблизи атоллов. Откуда же взялась здесь акула?

Стараясь не размахивать руками, подавляя панику, Хине доплыла до каменного выступа в центре атолла, где уже находились ребята. Саджи развернулся мгновенно и бросил тело вперед, заталкивая ее за спину.

Акула не торопилась. Плыла так, будто была уверена в том, что никуда не денутся ее жертвы. Перепуганные девушки вцепились в плечи Саджи, который выплыл вперед, стараясь заслонить всех друзей. Остальные кворры жались к центральной скале, ошалев от ужаса. Кто-то пытался вскарабкаться на нее, рискуя приманить акулу ближе кровью, сочащейся из порезанных конечностей. Но акула не обращала внимания на остальных ребят. Она медленно приближалась к четверке из Шестнадцатой семьи, и оловянные глазки ее алчно поблескивали. Вот она принялась раскручиваться, ускоряясь. Саджа отчаянным рывком послал тело навстречу. И тут случилось нечто невероятное. Темная тень, двигавшаяся с огромной скоростью, с такой силой ударила акулу в бок, что ту отбросило на несколько локтей. В воде появилась красноватая муть. А что-то, что с первого взгляда напомнило Хине акулу поменьше, рвало ее и терзало, выпуская в воду новые и новые потоки крови.

Тириот уже оплывал центральную скалу, знаками подгоняя перепуганных кворр к атоллу. Саджа толкнул девчонок к нему, все еще опасаясь поворачиваться к дерущимся акулам спиной. Хине и не думала, что умеет плавать с такой быстротой. Ледяной ужас подгонял ее, и она не остановилась, пока не оказалась на

мелководье у пристани, где уже собирались остальные Семьи их группы.

Саджа выплыл последним. Он все еще был бледен, как мертвец, но не забыл сетки с ракушками, брошенные в панике Адини и Хине. Он выбрался из воды и бросил сетки на согретый солнцем песок. Адини и Хине подбежали осмотреть, не ранен ли он, но мощное тело северянина было чистым, без следов укусов.

— Откуда она там взялась? — голос у Хине немилосердно дрожал и срывался. Саджа обнял ее за плечи, стараясь успокоить.

— Не знаю. Но думаю, старшие уже знают. Смотрите!

Огромная тень на миг закрыла их, и вот уже к сбившимся в кучу студентам шагнул высокий стройный мужчина в белоснежной аху, складывая за спиной могучие крылья.

— Профессор Пакау! — Хине бросилась к нему. — Там акула, огромная акула!

— Похоже, уже нет, — мягко произнес преподаватель Сновидений, указывая на высокую темную фигуру, поднявшуюся из воды.

Рослый парень вышел на берег, на ходу меняя форму. Только что голова его была акульей, но в считанные мгновения стала человеческой и весьма привлекательной. Исчезли устрашающие гребни на локтях и спине, ноги приняли человеческую форму.

— Добро пожаловать, мой мальчик, — улыбнулся наставник Пакау, — сами Владыки Морей послали тебя на помощь. Как твое имя и когда ты прибыл?

— Тамангаваи, — сказал крепыш, откидывая на спину длинные переплетенные волосы, — можно просто Тамо. Приплыл четверть солнца назад с Ао-Теа-Роа, решил вот поплавать в атолле. Меня ведь не приняли еще, учитель.

Его улыбка могла напугать даже самого храброго человека, ибо зубы были острые, и их было очень много. Но Тириот бесстрашно шагнул навстречу новому ученику.

— Рад тебя приветствовать, брат, — сказал он, протянув руки ладонями вверх. — Я Тириот, старший Семьи. И благодарен тебе за помощь.

Помедлив всего секунду, маориец положил свои руки на его, сжав запястья в братском приветствии. Он выглядел несколько удивленным и растерянным, явно не ожидая такой дружелюбной реакции.

— Ты ведь танифа, верно? — Адини восхищенно смерила крепыша взглядом. — Как здорово! Я только слышала про вас, но не видела никогда.

— Ну... нас много, просто не все желают обучаться магии и наукам, больше любят свободу и прохладные глубины, — маориец с интересом уставился на девушку. Взгляд его странных прозрачно-серых глаз изменился, стал более мягким, призывным.

— А откуда ты родом? — любопытствовала Адини, бочком придвигаясь к новенькому.

— Из Тамурэ, самого большого поселения на побережье, — на сей раз Тамангаваи говорил почти застенчиво, стараясь не сильно скалить свои ужасающие зубы. — Как твое имя, хала?

— Адини, — неисправимая кокетка пленительно улыбнулась и опустила ресницы. — А ты один сюда прибыл? Ао-Теа-Роа — это далеко ведь отсюда, не всякий родительпустит дитя в такой дальний путь.

— Думаешь, мне следует бояться... кого-то... или чего-то? — на мгновение по-прежнему зубасто ухмыльнулся Тамангаваи. Следы акульей крови все еще были на его зубах.

— Тем не менее опасности в море существуют, — сказал Пакау, с улыбкой подходя ближе, — как, впрочем, и на суше.

Он что-то прошептал, и спустя миг его голос, усиленный магией, загремел над пляжем и пристанью:

— Всем ученикам следует вернуться в свои комнаты. На сегодня урок окончен и засчитан всем. До ближайшего распоряжения дома не покидать! Если кто-то пострадал, то идите в Дом Целителей, там вам окажут помощь!

Он прокашлялся и уже обычным тоном обратился к Тириоту:

— Пока распределения не было, Тамангаваи надо где-то жить. Если вы возьмете его в свой дом, преподавательский состав будет весьма вам признателен.

— Конечно, мы возьмем! — высунулась Адини, уже явно успевшая положить глаз на мускулистого красавца-танифу.

— А теперь все во дворец, дети, — по лицу Пакау прошла тень тревоги. Он взмыл в воздух и на огромной скорости помчался к школьному дворцу, бывшему еще и общежитием для учеников.

Саджа указал на темнеющее небо и на здание Убежища, уже окутанное туманом. Как-то очень быстро собрался полог из тяжелых облаков. Подул резкий злой ветер.

— Идемте, — Тириот обнял обоих юношей за плечи, — надо успеть дотемна добраться. Поверь, братец Тамо, есть то, чего боятся даже танифы.

— И что же это? — Тамангаваи ухмыльнулся, явно желая продемонстрировать сразу все имеющиеся зубы.

— Призраки, — ответила Адини, невольно вздрогнув.

Ученики торопливо вернулись в общежитие и разошлись по своим pokojам, потихоньку обсуждая происшествие. Шестнадцатая Семья также вернулась к себе, и Тир тщательно запер двери, наложив запечатывающее заклятие. Саджа и Хине тут же бросились разбирать добычу, потому что хотелось есть и не терпелось посмотреть на добытые жемчужины.

Оказавшись в жилище, юный танифа с любопытством огляделся. Было заметно, что ничего подобного ему видеть не доводилось. И он с опаской поглядывал на жарко пылающий камин, устроившись подальше от него. Адини присела рядышком, тихонько расспрашивая нового Брата о его земле и царящих на ней обычаях и законах.

Тир наколдовал большую чашу лимонного сока, и ребята с удовольствием приступили к трапезе, вскрывая своими ножами раковины, вынимая жемчужины, а нежную плоть моллюсков поливая лимонным соком и отправляя в рот. Тамо отказался, поскольку неплохо подкрепился мясом побежденной акулы.

Добыча была солидной. В каждой раковине нашлось по крупной жемчужине, а в некоторых — по две-три. Адини отобрала несколько, переливавшихся чудесным золотистым пламенем.

— Сделаю плетение в волосы, — сказала она, с нежностью рассматривая жемчужинки. — Хине, а ты?

— Я как-то не привыкла, — Хине смущенно улыбнулась. — Незачем мне украшаться. Так что забирай себе все.

— Это ты зря, — сказал вдруг Тамо, подняв голову, — девчонки же не просто так украшаются. Да и парни тоже. Хорошие талисманы на дне не валяются, а жемчуг хранит в себе силы владычицы Марамы и владыки Тангароа.

Он взмахнул рукой, и несколько жемчужинок, поднявшись, слились в красивый перламутровый треугольник с просверленной на одном из углов дырочкой. Танифа выплел из своей прически один шнурок и продел его в отверстие. А потом подал Хине под изумленными взглядами остальных ребят.

— Возьми, сестрица. Тебе не помешает хороший талисман.

— Ого! — Адини с восхищением взглянула на украшение. — А мне можешь сделать такое?

Для нее из нескольких жемчужинок, слитых в единую массу, Тамо сотворил небольшой диск. Нанизав и его на веревочку, он протянул талисман Адини. Та сразу же надела его.

— Не знал, что танифы такое умеют, — Саджа потрогал талисман Хине и помог ей завязать узелок. — Я только слышал, что ваша порода — хранители темной магии глубин.

Юный танифа сотворил еще два талисмана поменьше из оставшихся жемчужин. Саджа надел свой сразу, Тир немного колебался, но тоже взял.

— Спасибо, дружище, — Саджа любовно огладил свой талисман, имевший форму овала, — с ним действительно спокойнее.

Тириот задумчиво поглаживал свой квадрат с чуть скругленными краями. Вид у него был удивленный и немного растерянный.

— Интересно, — сказал он, — ты — существо Тьмы, но ты спас нас и сделал нам талисманы.

— Так-то оно так, — покивал Тамо, наливая себе немного лимонного сока в кружку, — но я ведь не чистокровный танифа. Моя прабабушка по маме была тохунга вахине, жрица владыки Тафериматеа, повелевающего всеми ветрами. А отец был сыном владыки Тангароа от смертной женщины. Потому мне и магия легко дается любая. Да и мне это интересно.

— Ух ты, так в тебе еще и кровь старых богов течет? — изумилась Адини.

Тамо отпил лимонный сок из кружки с видимым наслаждением.

— Ну, — сказал он, облизываясь, — я потому и решил учиться в Школе Островов. Того, что я уже знаю и умею, мне мало. Знания такая штука, их всегда мало.

Хине устало свернулась калачиком на своей постели. Ей нездоровилось, тело ныло, как от побоев, особенно же болели ноги. Это было очень странно, потому что сегодня она и полусотни миль не набегала. Тириот присел рядом на край ее постели, принялся ткать заклинание Исцеления. Адини отвела Тамо в дальнюю часть комнаты, где была свободная кровать.

Хине задремала. Сон струился сквозь нее, расслабляя, успокаивая. Она плыла по обманчивым глубинам, наслаждаясь током воды вокруг тела. Вокруг сновали мелкие рыбешки и рыба покрупнее. Маленький осьминожек таращил удивленные глаза, почти слившись со скалой, поросшей сияющими цветками актиний. Хине плыла у самого дна, разглядывая красивые раковины и валявшиеся тут и там заросшие ракушками и водорослями предметы — свидетельства давно ушедших эпох. Иногда над головой проносились тени, но они не несли угрозы. Угроза сочилась издалека, тонкими нитями пронизывая толщу воды. Но Хине знала, что должна увидеть то, что источает ее. Она подняла руку и погладила талисман, сияющий на ее груди. Этот талисман позволит ей подплыть ближе... позволит увидеть...

3. Урок Изменения

— Просыпайся, засоня! — Адини тормошила ее, тряся, как крокодил добычу. — Проспишь все уроки!

— Уроки? — Хине подскочила, протирая глаза. — А что, уже утро?

— Ага, и урок Изменения через десять минут начинается. Так что поторопись!

Хине кое-как собрала в пучок волосы, перевязав шнурком, быстро съела бутерброд с тунцом и водорослями, на ходу натягивая штаны и рубаху. Остальные уже были одеты. К удивлению Хине, Тамо тоже был собран и тщательно скручивал свои длинные волосы в узел на затылке.

— Пойду с вами, — сказал он, заметив озадаченный взгляд девушки. — Насколько я слышал, не успевшим пройти отбор позволяется прослушивать лекции и тренироваться наравне с принятыми учениками.

Они быстро одолели расстояние до школы и вошли в класс предпоследними. Последней была третья Семья, состоявшая из пяти ребят. Тихонько поздоровавшись, они заняли свободные места и торопливо извлекли из сумок учебники.

Преподаватель Тамакахату появился в облачке зеленоватого сияния.

— Чистого дня, рангатаи, — поприветствовал он, сияя белозубой улыбкой.

— Чистого дня, профессор Тамакахату! — отозвался класс.

— Сегодняшний урок — трансформация мертвого в живое, — наставник элегантно жестом выудил из поясной сумки горстку

камней и разложил их на столе. — Кто-нибудь из вас уже изучал эту магию?

Неожиданно для всех руку поднял Тамо.

— Добро пожаловать, хаку, — улыбнулся Тамакахату, — слышан о тебе. Что ж, покажи свое искусство.

Тамо прошел к столику, нисколько не смущаясь. Выбрав один из камешков, он немного покатал его в руках, что-то прошептал — и ладони его вместе с камешком вспыхнули золотым. А спустя миг в них сидела сумчатая кворра, маленький очаровательный зверек с большими золотистыми глазами.

— Отличная работа, хаку, — похвалил наставник, — какое заклятие ты использовал?

— Киора теунга мате, — немного смущенно произнес танифа, — заклятие утверждения.

— Весьма редко используемое, ибо требует недюжинной Силы Слова, — Тамакахату с уважением взглянул на парня. — Садись, юноша.

Он взял кворру на ладонь и поднял, показывая всей аудитории.

— Заклятие «Киора теунга мате» легко выучить, но пользоваться им могут лишь те, чья воля непоколебима и чье Слово обладает силой воплощения, — сказал наставник, другой рукой отправляя камешки в полет и размножая их, чтобы каждому ученику досталось по одному.

— Высший балл и недельный зачет по предмету получит тот, кто сумеет с помощью этого заклинания превратить мертвое в живое. Начинайте, рангатаи!

Хине сжала свой камешек и прошептала заклинание, вкладывая всю силу утверждения в магию. Ей показалось, что камешек согрелся, но, так или иначе, он остался камешком. Она попробовала снова, и снова ее ждала неудача. Впрочем, насколько она смогла заметить, большая часть учеников тщетно произносила заклятие танифы. Лишь у нескольких на ладонях сидели мелкие зверьки. И одним из них к ее удивлению был Саджа. Он сотворил из своего камешка крохотную голубую птичку с желтыми бусинками глаз и алым хохолком. Островной соловей!

— Получилось!

— Великолепно, хаку Саджа! — обрадованно произнес Тамакахату.
— Недельный зачет и высший балл!

Он прошелся, оценивая работу тех учеников, которым удалось превратить свои камешки в зверьков и птиц.

— Прекрасная работа, хала Лейлани! И твоя работа выполнена на высший балл, хаку Иварфейн! Отличный скальный прыгун, хала Роанна! О, какой прелестный тикаранг, замечательно, хала Аурелия!

Хине тихонько погладила хохолок птички, сидевшей на ладони Саджи, и та перелетела ей на плечо, умильно наклоняя головку.

— Итак, рангатаи, вы были настойчивы и старательны, — произнес наставник, медленно шествуя между рядами учеников, — но Сила Слова — слишком редкий дар, потому не огорчайтесь, что это заклятие у вас не сработало.

Он призадумался на пару секунд, словно собираясь с мыслями, затем заговорил снова:

— Дар Силы Слова способен превратить в заклинание любое сказанное слово или фразу. Когда вы позволяете магии струиться сквозь ваши тела и сознания, она становится частью вас. Вы ткете полотно событий, и здесь Сила Слова способна принести

невероятные, ошеломляющие результаты. Хаку Тамангаваи, подойди к столу.

Следка озадаченный, но приободрившийся танифа вышел к учительскому столу.

— Пожалуйста, сотки любое колдовство с помощью Силы Слова. Основа — воздух и магия. Это может быть что угодно, кроме разве что хищного зверья.

Тамо чуть скривил на бок рот, почесав в своих буйных волосах, явно выбирая объект. А затем выкрикнул несколько резких отрывистых слов. На столе тут же проявились вначале очертания, а потом миниатюрная копия самого настоящего древнего замка, в каких жили люди тысячелетия назад. Класс наполнился восторженным рокотом, ученики приподнимались с мест, некоторые поднялись и приблизились к столу, с восхищением разглядывая замок.

— Любопытный выбор, мой мальчик, — добродушно произнес Тамакахату. — Ты видел такую вещь где-то?

— Да, в глубинах Серого Моря, там, где раньше находился Королевский остров, я видел несколько таких домов, когда исследовал те места. Мне очень понравилось, и я решил сотворить именно такое диво, — Тамо говорил с легким смущением.

— Что ж, это великолепно. Думаю, тебя примут даже без дополнительных экзаменов, — заметил наставник, любуясь замком.
— А сейчас продолжим. Внимательно да слушают меня те, кто не сумел воспользоваться Силой Слова. Для трансформации мертвого в живое существует несколько различных заклятий, и самое простое из них «Белое Солнце». Смотрите внимательно! Пальцы должны быть сложены вот так, делаете полукруг и возврат. Плавно, не дергая рукой, вот так.

Он показал жест, затем громко и с расстановкой произнес: «Ат анга иранга нуи!»

Камешек в его ладони превратится в красивую черную гусеницу нгакури.

На сей раз у Хине получилось почти сразу, всего с третьей попытки. И камешек в ее руке превратился в голубую мышку. На плече у Тира уже сидел золотистый попугайчик, а Адини, смеясь, пыталась удержать сумчатую летягу. Остальные ученики тоже не отставали, в аудитории постепенно становилось не тольколюдно, но и птично, и животно, и даже рыбно. Малыш Кинда из Пятой Семьи, которому было всего двенадцать лет и который был самым юным учеником Школы, превратил свой камешек в вуалехвостого шалхана и теперь выпрашивал у учителя какую-нибудь тару, чтобы помочь рыбе дожить до момента, когда ее можно будет выпустить в море. Тамакахату внял просьбе, сотворив небольшой прозрачный калекбас из воздуха и наполнив его морской водой, заструившейся прямо из его ладони.

Вторым уроком была История Эпох. Это был один из любимых предметов Хине, поэтому она приободрилась и отбежала по пути в соседнюю аудиторию только затем, чтобы выпустить свою мышку в густую траву. Попугайчик Тириота и соловей Саджи уже порхали между деревьев, перекликаясь звонкими голосами. Поодаль Хине увидела мелькающие пятки Кинды, который бежал к воде, чтобы выпустить своего шалхана в свободное плавание.

— Ты не помнишь, что задавали на сегодня? — спросила Адини, поравнявшись с Хине.

— Эпоха Сумерек и битва за Острова, — ответила Хине, щурясь на полуденном солнышке. — Только не говори, что ты не учила урок... снова.

— Я про него просто забыла, — Адини виновато ухмыльнулась. — Тут такие новости были, свое имя забыть можно. Сначала твои похождения ночные, потом акула и Тамо. Но ты же не бросишь меня в беде?

— Вообще-то следовало бы, — проворчал Тириот. — Не зная прошлого, невозможно построить правильное, хорошее будущее.

— Зануда, — Адини показала ему язык. — Будущее уже построено, куда уж лучше?

— Ну, я бы не сказала, что сильно лучше, — с сомнением произнесла Хине, — призраки-то вернулись. Значит, что-то не так пошло, где-то ошиблись люди.

— А может, вовсе и не люди, — сказала Адини, всматриваясь в толпу впереди, — может, кто-то другой. Эй, это там что, Саджа влип?

Тир побледнел и бросился вперед, расталкивая учеников. Хине устремилась следом, внутренне холодея. Ей пару раз уже пришлось видеть поединки чести, которые затевались учениками, и радости это не принесло. Вызов на такой поединок невозможно было игнорировать, только принять в присутствии свидетеля со стороны. В последний раз мальчики из двух разных групп сцепились из-за девушки и сильно покалечили друг дружку. Потому Хине себя не помнила от тревоги и отчаяния. Она очень любила Саджу и беспокоилась за него.

4. Сражение

Саджа уже успел содрать с себя одежду и остаться в одной аху на узких бедрах. Парень напротив него был Хине смутно знаком, но имени его она не знала, просто видела пару раз в совмещенных группах.

— Это Карна Сингх, — прошептала Адини, вцепившись в руку подруги, — он издалека, с земель Бхарати. Ох, как же он горяч! Но что же они не поделили?

Хине поежилась, глядя на невысокую сильную и вместе с тем гибкую фигуру парня. Налетающий ветер взбивал его черные блестящие волосы, от белозубой хищной ухмылки мурашки по коже бегали. Карна Сингх поднял руку, делая знак ребятам из своей группы не вмешиваться. Бледно-голубая, с красными и черными полосками, повязка его группы обнимала крепкий бицепс. Группа Птицы-Гнева славилась своей жесткостью, непримиримостью и бесстрашием. А Сингх судя по всему был лидером в ней. Они с Саджей стояли друг против друга, пока присматриваясь и оценивая противника. Хине прижалась к боку Тира, который успокаивающе положил руку ей на плечо.

Руководящий боем парень из группы Огненного Барсука взмахнул рукой, объявляя начало схватки. Парни нанесли удар одновременно, их кулаки столкнулись в воздухе. К изумлению и испугу Хине, бхаратиец не уступал Садже ни в быстроте реакции, ни в силе, хотя был почти на голову ниже его, а вдобавок еще оказался очень ловким и текучим, перемещаясь с такой скоростью, что сложно было уследить. Все же Садже удалось несколько раз достать его по красивой физиономии и корпусу. Впрочем, Сингх вполне успешно вернул должок и еще прибавил сверху. Любая волшба в подобных схватках была под запретом, но Хине содрогнулась от ощущения чужой нити, протянувшейся к Садже и впившейся в его грудь. Северянин неожиданно согнулся и закашлялся, тем не менее успев парировать страшный удар в корпус и ухватить Сингха за щиколотку, крутящим броском отшвырнув от себя. Хине вскрикнула, вцепившись в руку Тириота.

— Он колдует! Он же колдует!

Град ударов, который обрушили друг на друга соперники, отвлек внимание зрителей, но Хине ощущала новые нити, протекающие между двумя бойцами и вгрызающиеся в тело Саджи. Удары северянина стали хаотичнее, он корчился от боли. К своему удивлению, Хине увидела на лице Сингха потрясение, а потом и гнев. Бхаратиец отступил, подняв скрещенные руки в знак того, что просит передышки. Нити исчезли практически сразу. Тот, кто

колдовал, затаился. Саджа с трудом переводил дыхание, растирая грудь и живот. Сингх что-то говорил, но со зрительского места не было слышно ни слова. Саджа ответил, выпрямившись и откинув за спину свои длинные светлые волосы. Оба бойца скрестили запястья, сжав руки в кулаки, и снова приняли боевую стойку. Хине судорожно стиснула руку Тира, который сохранял спокойствие, хотя и был напряжен, как натянутая струна. Бойцы снова сошлись, осыпая друг друга ударами. Хине шарила взглядом по лицам зрителей, пытаясь понять, кто из них мог насылать болевые чары. Взгляд ее натолкнулся на могучую фигуру Эйдана Лейна, Заклинателя Волн, лицо его было угрюмым и сосредоточенным, и такой поток Силы исходил от него, что даже на разделявшем их расстоянии Хине его ощутила.

Битва продолжалась, силы были равны. Оба парня осыпали друг друга ударами, каждый из которых мог уложить горного медведя. А потом снова потянулись нити силы, вонзаясь в тело северянина. Саджа пошатнулся и пропустил удар в челюсть. Но нашел в себе силы поставить блок следующему удару и отбросить бхаратийца от себя. Тот вскочил и ринулся в атаку. Саджа снова согнулся, лицо его перекосилось от боли. Этого уже Хине не выдержала. Перепрыгнув через разделительную линию, она бросилась к другу и загородила его собой. Спину резануло такой чудовищной болью, что она взвизгнула и выгнулась. В глазах все поплыло. Она видела побелевшее лицо Саджи и серое от потрясения — его противника. Спину жгло так, что на глазах выступили слезы. Поскуливая, Хине прижималась к Садже, обнимая его за шею. Ударов Силы больше не последовало. Однако что-то происходило. Сквозь красноватую тошнотворную пелену боли она видела идущего к ним Эйдана. Очутившись рядом, он осторожно провел рукой по спине Хине, и боль тут же растворилась без остатка. Зато чуть поодаль несколько ребят из разных групп тащили упирающегося тощего паренька с повязкой «Птицы-Гнева» на плече. Желтые глаза парня были полны ужаса и отчаяния.

— Ты опозорил и меня, и группу, — Сингх смотрел на согруппника с такой яростью, что тот попятился с выражением страха на бледном лице, — вмешался в бой... как тебе в голову могло прийти?

— Я хотел тебе помочь, — желтоглазый в отчаянии сжал руки в один кулак, — он бы убил тебя, Карна! Это северное животное... он бы убил тебя!

На лице Сингха отразилось отвращение пополам с гневом. Он повернулся к Эйдану, который, как видно, и вычислил колдовавшего, и прижал кулак к груди.

— Учитель, я прошу вас перевести Эйру Антви в другую группу по причине того, что больше никто из нас не может ему доверять, — отчеканил он.

С губ желтоглазого сорвался вопль. Он попытался броситься к Сингху, но тот безразлично отстранился. Эйдан бесстрастно взирал на попытки Антви вымолить прощение, затем сделал странный жест, словно набрасывая что-то на желтоглазого. Тот, даже вскрикнуть не успев, исчез, оставив легкое искажение пространства.

— Вы... вы его убили? — хрипло произнес Сингх, явно не ожидавший подобного поворота событий. Эйдан покачал головой.

— Нет, хаку, я лишь отправил его туда, откуда он прибыл. На Итаранг. Ученики, способные на подобную подлость, в школе, как правило, не задерживаются. Нельзя давать знания магии тем, кто способен использовать их для таких дел. Кстати, не объясните ли, из-за чего вы сцепились с хаку Саджей?

Скулы Сингха слегка потемнели. Хине вцепилась в Саджину руку.

— Небольшие разногласия по поводу сладчайших красавиц, — хмыкнул бхаратиец.

Саджа по-волчьи оскалился. Рычание, исторгшееся из его груди, было негромким, но до того проникновенным, что Хине вздрогнула и еще крепче прижалась к его боку.

— Поединок продолжится, — проворчал он, — в любое время и в любом месте на твой выбор, Сингх.

— Принимаю вызов, — ухмыльнулся бхаратиец, сверкнув темными очами, — прошу вас, наставник, будьте свидетелем. И также будьте свидетелем, что я приношу искренние извинения прелестной дэви, которой пришлось пострадать по вине Эйры.

Эйдан, помедлив, кивнул.

— Битва переносится, — сказал он, — идите на уроки. Если не ошибаюсь, у тебя, Саджа, История Эпох, а у тебя, Карна, картография Великих Вод. По окончании уроков вы оба продолжите поединок на том же месте, где начали его... если, конечно, не решите примириться.

Оба задиры одарили друг дружку такими взглядами, что стало ясно: ни о каком примирении речи быть не может. Но оба послушно потопали каждый к своей группе.

Урок тянулся, казалось, целую вечность. Хине, обожавшая Историю Эпох, на сей раз никак не могла сосредоточиться. От страха за Саджу она не находила себе места. Тир и Адини разделяли ее волнение, хотя и не подавали виду. Тамо выглядел как обычно и, казалось, был полностью погружен в речь наставницы Тангелин. От любопытства глаза его полыхали, как море перед штормом, даже смотреть было жутковато. История Битвы за Острова поразила его. С жадным вниманием он смотрел буквально в рот наставнице, словно боясь пропустить хоть одно слово. И, казалось, выглядел разочарованным, что урок все-таки подошел к концу. Тем не менее он не стал задерживаться, а поспешил за Саджей к выходу. Следом за ним в кильватере бежали Тир и девушки.

Схватка продолжилась на том же месте. Собравшиеся в солидную толпу ученики наблюдали за ней, затаив дыхание. Теперь силы были равны, и бой затянулся на довольно долгое время. Оба противника были покрыты потом, кровью и песком, еле держались на ногах, но напрочь отказывались от примирения.

Хине терялась в догадках, что такого сказал обычно железно спокойному Садже бхаратиец, что того так сорвало. Она тихонько поделилась своим любопытством с Адини, азартно болевшей за «братца», и та удивленно воззрилась на нее.

— А ты не слышала? Ребята же говорили, пока наставник Эйдан разбирался с этим колдунишкой. Кири из Восемнадцатой Семьи был рядом и слышал, как Карна Сингх насмеялся над девчонкой с Севера. Сказал, что такая ядреная, что того и гляди зашибет своими прелестями, мол, не повезет тому, кто решит влезть на эту скалу. Кто ж знал, что это он по сестренке нашего Саджи прошелся! Оказывается, у него тут есть старшая сестра, на два курса раньше начала обучение. Кажется, она из группы Огненного Барсука.

— Ага, — сказала рыженькая миловидная девушка с повязкой Барсуков на плече, — она из нашей Семьи. Вадзилиса, да вон она стоит! С белой косой до задницы.

Девушка, на которую указала «барсучиха», действительно выделялась из толпы ростом и мощью. Была как минимум на голову выше самых рослых юношей своей группы. Она стояла спокойно, неподвижная, точно статуя, только руки в кулаки сжимала, когда Саджа пропускал удары.

— Эй, Лис! — окликнула ее «барсучиха». — Не хочешь познакомиться с Семьей твоего братишки?

Великанша повернулась, и Хине невольно вздрогнула при виде ее лица, так сильно схожего с лицом ее брата, словно они были близнецами. Она и впрямь отличалась роскошной пышностью форм

и тонкой талией, но держала гордую осанку, не позволяя себе сутулиться. И казалась от этого еще выше и мощнее.

— Приветствую, «почти сестра», — хриплым, каким-то не своим голосом сказал Тириот, до сих пор хранивший молчание.

— Приветствую, друг, — ответила великанша неожиданно мягким певучим голосом, — я Вадзилиса, и рада познакомиться с Семей моего младшего.

— Я Тириот, это Хине, Адини, а это Тамангаваи, он пока временный «братец», — представил их Тир.

— Рада знакомству, — Вадзилиса смерила странным взглядом Тамо, который пялился на нее с плохо скрытым восхищением. — Танифа?

— У ног твоих, несравненная дочь Севера, — с неожиданной элегантностью отсалютовал Тамо.

— Смотрите! — пискнула Хине, подпрыгивая, чтобы лучше видеть из-за спин учеников.

Тамо подхватил ее и усадил себе на плечо. Хине вцепилась в его волосы и подалась вперед.

— Вот это удар был! — зачарованно произнес один из парней, стоявших рядом.

Саджа, только что повергший своего противника страшным ударом в челюсть, покачнулся и рухнул на одно колено. Сингх больше не пытался подняться, лежал неподвижно, словно мертвый, так что Хине испугалась, уж не убил ли его Саджа.

— Дышит, — сказал Эйдан, усилив голос заклятием, — победителем в поединке объявляется Саджа из Шестнадцатой Семьи группы

Сумчатой Кворры! Расходитесь! Все по своим покоям, живо! Надвигается буря!

Он осторожно поднял безвольно обмякшее тело бхаратийца и понес его в сторону Целительского дома, велев Садже следовать за ним. Тот поплелся следом, пошатываясь от усталости и придерживая левую руку правой.

Хине, Адини, Тир и Тамо устремились следом за ним. Рядом с ними вышагивала великанша Вадзилиса, не подавая виду, как сильно встревожена состоянием брата. Только ручищу ему на плечо положила. Но Хине чувствовала истекающую из ее сердца тревогу пополам с гордостью и огромной, всепоглощающей любовью. Брат с сестрой о чем-то тихо беседовали, чуть отдалившись от остальной группы. Рука Вадзилисы переместилась на макушку Саджи, нежно вороша волосы.

В Доме Целителей было прохладно и уютно. Удобные постели устраивались по мере необходимости. Сейчас же здесь было всего несколько пациентов. Для Саджи и Сингха Эйдан сотворил лежанки поближе к очагу, в котором пылал жаркий огонь. Остальные ребята тоже устроились ближе к пламени, потому что порядком замерзли на поднявшемся холодном ветру. К ним тут же подошли служители дома и принесли горячее питье и свежие бутерброды с мясом горбатой рыбы. Танифа получил целую рыбину и тут же принялся с жадностью уплетать ее, откусывая огромные куски и проглатывая вместе с потрохами. Неожиданно он закашлялся и принялся скрестить горло. Хине от страха позабыла все заклинания, как и Адини. Но вовремя среагировал Тир, выкрикнувший формулу призыва и подставивший руку. Что-то вылетело изо рта танифы и шлепнулось прямехонько ему в ладонь. Тамо хрипло вздохнул, закашлялся, выперхивая остатки, и с кривоватой улыбкой взглянул на Тира.

— Прими благодарность, дружище, — сказал он, подбирая выроненную рыбу, — я растерялся порядком. Давно ничем не давился. Что это такое?

Тир разжал пальцы, глядя на что-то тусклое и округлое. Хине и Адини вытянули шеи.

— Кольцо какое-то, — удивленно сказала Адини, — выглядит очень древним.

Танифа торопливо доел рыбу, стараясь все же есть осторожнее, голову бросил в огонь, сотворив короткую молитву гению очага. Затем взял кольцо у Тира и принялся разглядывать.

— Старая работа, — в голосе его слышалось удивление, — я похожие видел в сундуке затонувшего корабля. Наверное, рыба его проглотила с голодухи. Ну и добыча! Хотя...

Он принялся вертеть кольцо в руке, хмурясь и что-то нашептывая. Хине смотрела во все глаза, как очищается и сияет серовато-белый металл, как искрится огромная фигурная жемчужина, закрепленная в пазах. Что-то знакомое было в том ощущении, что она испытывала, глядя на кольцо.

— Очень красивое, и магия в нем присутствует, — сказал танифа, закончив колдовать. — Правда, не пойму, светлая или темная. Такие тонкости я не различаю, для меня все проявления Силы одинаковы.

Хине сглотнула. Всем своим существом она ощущала нечто, тянущееся тонкими нитями из громадной жемчужины в форме многолучевой звезды. И это нечто ей совсем не понравилось. Ее вдруг охватило глубокое и тягостное одиночество, словно вся радость ушла из мира, а осталась только далекая горечь несбывшегося.

— Темная, — тихо сказала она, прижимаясь к боку Тира, — магия глубин, очень темная, очень злая.

Тамо медленно поднял кольцо, глядя на мерцающий жемчуг. Казалось, он размышляет о чем-то своем. Вытянув один из

шнурков, переплетающих его волосы, он продел его сквозь кольцо и завязал на шее.

— Пока не решу, что с ним делать, буду так носить.

Почему-то эта идея не воодушевила Хине. Ей вдруг стало совсем страшно, так страшно, как бывает только во сне, когда не можешь двинуться, а из темноты к тебе тянется призрачная рука.

5. Волна гибели

Буря поднялась устрашающая. Наставники, как сумели, укрепили дворец и здания школы, но постройки, не рассчитанные на подобную нагрузку, опасно потрескивали и скрипели. Ребятам все же пришлось покинуть Дом Целителей. Остаться при Садже позволили только его сестре, которая наотрез отказалась уходить. Остальные под зорким оком наставника Эйдана вернулись домой.

Уже у самого замка преподаватель указал на кольцо, висевшее на груди у Тамо.

— Сможешь ли ты носить его и не поддаться его чарам?

Танифа хмыкнул, оскалив сразу все зубы.

— На меня не действуют чары, профессор. Я могу заколдовать, но со мной это вряд ли получится. Но для тех, кто рядом, эта вещь может быть опасной.

— В таком случае идем со мной, — сказал Заклинатель Волн, как показалось Хине, с облегчением, — а вы возвращайтесь к себе и запируйтесь.

Ветер завывал, точно голоса всех потерянных душ. Тир раздул огонь в камине и сунул остатки бататов в горячую золу, которую отгреб к стенке. Адини и Хине наколдовывали ужин, хотя пока у них не очень ладилось. Они смущенно переглянулись и хором позвали старшего.

Тир задумчиво посмотрел на стол, уставленный продуктами магических экспериментов. Пуассон крю был в целом недурен, но пах почему-то не рыбой, а старыми водорослями. Здоровенный краб, запеченный с травами, задумчиво шевелил ногами и пощелкивал клешнями, хотя был уже разделан и мясо его источало божественный аромат. Тир вздохнул и принялся исправлять ошибки.

Пужинав, они напились кокосового сока и съели мякоть в качестве десерта. Хине завернулась в одеяло и устроилась на своей постели с магическим свитком карты океанских течений, которые надо было заучить назавтра. Тир увеличил ее карту, и они принялись за урок, хотя все время отвлекались на что-то другое. Хине подозревала, что, как и ее, остальных волнует судьба Тамо и Саджи.

Ветер снаружи завывал все сильнее. Тир подбросил в камин несколько поленьев и сотворил с десяток свечей, чтобы было светло и не так страшно. Адини задремала первой. Следом за ней уснул Тир. Хине осталась сидеть в кресле у камина, глядя на жарко пылающий огонь. Она еще немного поучила урок, на память, про себя называя течения и их места пересечений, а потом тоже задремала прямо в кресле.

...Она снова плыла сквозь темную толщу воды, влекомая незримым течением. И часть ее стремилась во тьму, где находилось само Зло. Но грудь обжигало, и отчаянно противилась другая ее часть, кричавшая во мраке вод, призывающая любимых и близких. Сердце ее разрывалось от этой муки, слезы смешивались с солью океана. Она слышала невнятный шепот, доносящийся из тьмы, шепот, звавший ее, тянувший темные нити ее души.

«Я иду!» — хотела было крикнуть она, но две сияющие ладошки опустились ее на глаза и губы...

— Хине, просыпайся! — встревоженный голос Тира заставил ее разлепить веки. Сердце все еще колыхалось частью темных вод.

— Соберите самое нужное и бегите к portalу, — говорил Тамо, запихивая в сумку учебники, карты и подсобные материалы. — Живее, волна ждать не будет!

— Какая волна? — Хине стало нехорошо. — Такого же не может быть! Школа защищена от приливных и стоячих волн!

— Защиты больше нет, — Тамо провел ладонью по своим встрепанным волосам, — кто-то или что-то уничтожило ее по всему периметру. И у нас не хватит времени поставить ее снова.

— У нас? — Тир бросил на танифу острый взгляд.

— Я имел в виду наставников, — тот ухмыльнулся, показав острые зубы. — Давайте живее!

Похватав все самое ценное, ребята бросились на выход. Тьма была неполной, там и тут сияли огненные светильни, подвешенные прямо в воздухе. Хине увидела группку, спешившую от Дома Целителей, и бросилась навстречу Садже и его сестре. Тир обогнал ее, закинув руку Саджи себе на шею. Вадзилиса одарила его благодарным взглядом.

Хине боялась смотреть в сторону моря. Руки и ноги у нее дрожали и подгибались, а сердце в груди колыхалось, как водоросль в темной воде.

— Боги, какая огромная! — ошеломленно выдохнул кто-то из пятикурсников.

— Не топитесь, не задерживайтесь, — доносился голос наставницы Тангелин, — скорее, дети, скорее!

Две тонкие фигурки у самой кромки берега ткали нити противостоящего колдовства. Перепуганная Хине видела, как громадная, высотой с самую большую башню, волна замедляет ход. Страх почти сковывал дыхание. Эта волна способна была убить

даже таких, как она, просто разбить массой воды, переломать кости и сделать пищей для рыб.

— Выбирайтесь, — сказал Тамо, беспечно улыбаясь, — очередь уже почти подошла.

— Ты куда? — нахмурился Тириот, поддерживающий вместе с Вадзилисой все еще бледного Саджу.

— Собираюсь немного развлечься, — танифа обнажил сразу все зубы. — Ты же понимаешь, что эти двое не сумеют удержать волну до момента, когда выберутся все.

— А ты сумеешь? — с сомнением спросил Тир.

— Во всяком случае, стоит попробовать, — сказал Тамо, распуская узел на затылке и сдирая с себя узорчатый жилет. — Берегите себя, ребята. Если вернусь, то надеюсь, что меня все же оставят в вашей семье.

— Если? — испуганно спросила Адини.

Но танифа уже бежал к побережью. Ветер трепал его длинные волосы, пытался сорвать аху. Но из рук его уже струились темные нити, вплетаясь в колдовство старших. Хине вскрикнула, когда мимо промчалась Адини.

— Дин, стой!!

Хине сама не поняла, как ноги понесли ее следом за обезумевшей подругой.

— Стой, Дин! Ты же погибнешь! Ты человек!

Но Адини словно умом тронулась, мчалась вперед, не слушая криков ни Хине, ни остальных ребят. Хине нагнала ее уже у самого берега, у кромки влажного песка, обнажившегося с отливом воды.

— Ты с ума сошла, Дин! — она вцепилась в руку подруги, пытаясь увести ее. — Ты же погибнешь в воде!

— Тамо, — Адини в отчаянии трясла танифу, который был весь погружен в чары и не видел никого и ничего, — Тамо, идем! Тамо!

Волна задрожала и двинулась на берег. Танифа развернулся к девушкам, глаза его пылали жутким зеленым огнем, сходство лица с акульей мордой перепугало Хине до такой степени, что она едва не села на песок.

— Бегите к portalу, — чужим глухим тяжелым голосом произнес Тамо, — бегите немедленно, или я перекушу вам глотки!

Адини покачнулась и упала на мокрый песок. Хине вцепилась в нее, трясая, пытаясь привести в себя. Танифа уже отвернулся, и гигантская волна вдали снова замедлила ход. Хине бросила взгляд на портал и последних исчезающих в нем ребят. Последних, кроме высокой тонкой фигуры и второй, чуть пониже ростом, мчащихся на всех парах к берегу.

— Тир! — плача, выкрикнула она. — Я не подниму ее, Тир!

— Давай за мной! — выдохнул он, наклоняясь и взваливая обмякшее тело Адини на плечо. Рядом с ним Хине с возрастающим изумлением увидела потрепанного, но вполне стоящего на ногах Карну Сингха. Оценив взглядом ситуацию, бхаратиец бросился к заклинателям. Из рук его исторглись золотые нити и заструились, собираясь в изумительной красоты узоры. Волна еще острее замедлила ход.

Хине бросила отчаянный взгляд на четыре фигуры, сдерживающие прилив. Вот покачнулся Эйдан Лейн, а следом за ним — профессор Гарм. Нити, струящиеся из их рук, прерывались. Хине вскрикнула.

— Забирай их! — глухо простонал вдруг Тамо. — Тащи к порталу! Мы удержим волну, а ты тащи их!

Хине больше не раздумывала. Страх был таким сильным, что обернулся в ярость. Она бросилась к оседающему на песок Эйдану, едва успев подставить плечо.

— Идемте! — крикнула она. — Тамо и Карна удержат волну!

Профессора Гарма шатало от усталости, но он устоял на ногах и помог Хине тащить едва живого Эйдана. Они почти добрались до портала, когда дышать стало почти невозможно и неумолимая сила повлекла их. Что-то ударило сзади вместе с тугим потоком воды.

...Хине словно плыла в потоках темной воды, но было вместе с водой что-то еще. Она инстинктивно прижала ладонью талисман на груди, и от него по телу заструились тонкие нити покоя и силы. Она пыталась увидеть то, что было в воде. То, что пыталось проникнуть в нее. Она не понимала, что это такое, но чувствовала тьму и холод, обтекающие ее тело. Тьма и холод не могли забрать ее, пока на ней был талисман Тамангаваи. Хотя какая-то часть ее страстно желала сорвать талисман и позволить тому, что струилось вокруг, забрать ее. От осознания этого нахлынул ужас.

«Не сопротивляйся, — шептали темные воды, — отдайся... отдай мне свое тело, и я грядущий...»

«Кто ты?» — Хине сама не знала, как у нее хватило сил и мужества задать этот вопрос.

«Я — Тот-Кто-Живет-В-Тайхетуки. И я — твой истинный Отец, Дитя. Покорись моей воле — и пребудь со мной вечно в сумраке ночи!»

Хине задыхалась и билась, цепляясь за талисман. Нити тьмы скользили по ее телу, отдергиваясь, обожженные сиянием. Но сияние угасало. Хине умирала, понимая, что ничего не может противопоставить тому, кто звал себя ее отцом.

Маленькая рука неожиданно сжала ее ладонь поверх талисмана. И вспышка была такой силы, что сбросила все нити тьмы. Оглушительный вопль ярости зазвучал словно отовсюду. Хине видела склонившееся над ней лицо мальчишки, знакомое лицо. Оно словно светилось в беспроглядной тьме, окутывающей ее...

...Голова кружилась, во рту был песок и кровь. Она закашлялась и попыталась встать. Чьи-то руки подхватили ее, помогая сесть. Рядом она увидела бледного и неподвижного профессора Эйдана, чья растрепанная светловолосая голова лежала на колене у профессора Гарма. Тот водил над его грудью ладонью, шепча заклинание, но сам был блее прибрежного песка.

— Помоги! — прохрипел Тамо, с трудом подползая к Эйдану и кладя руку ему на грудь. Хине присоединила свою ладошку, мгновенно ощутив отток маны. Нахлынула слабость, но зато Заклинатель Волн закашлялся и открыл глаза.

— Тебе удалось, — пробормотала Хине, почти рухнув на руки Тамо, — ты спас нас всех...

Она видела склонившегося над ней профессора Гарма, его лицо, бледное, точно луна. Он смотрел странным взглядом, словно сквозь нее. Но его руки, горячие и сильные, крепко сжали ладошку Хине.

Остров Аолани, куда вывел их портал, был расположен за грядой подводных скал, выступивших в роли волнореза. Волна не смогла пройти дальше, так что все ограничилось обильным приливом. После того, как вода схлынула, те из учеников, что были на ногах, побрели по берегу, собирая выброшенную рыбу, крабов, раковины и съедобные водоросли.

Хине вместе с Заклинателем Волн перенесли в укрытое пальмовыми листьями временное убежище, где находились больные и раненые. Здесь же были и Тамо, уснувший непробудным

сном после своего подвига, и притулившийся о бок от него Карна, и Адини, и Тириот, и Саджа. Тир и Адини помогали обихаживать больных и раненых, поскольку целители выбивались из сил, врачую травмы и испуг.

— Это было потрясающе, — тихонько говорила Адини, отламывая кусочки кокосовой мякоти и кладя в рот Хине и Эйдану, — в жизни такого не видела. Волна мчалась, и вы бежали впереди нее, через портал все было видно. Так страшно было. А потом волна вас настигла, и тогда Тамо частично перекинулся, ухватил вас всех четверых и нырнул прямо в портал, да еще и закрыть его ухитрился, так что только часть воды прошла.

Хине прикрыла глаза, не столько от усталости, сколько от желания немного собраться с мыслями, переварить все произошедшее. Страх был словно за прозрачной стеной. Бродил вокруг, простукивая, пытаясь проникнуть внутрь.

— Мне надо поговорить с профессором Гармом, — сказала она, вернув в памяти лицо мальчишки-призрака. — Дин, пожалуйста, позови его. Я сама не дойду просто.

Адини посмотрела на нее с удивлением, но послушно поднялась с места и умчалась. Хине снова закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Если проблема в ней, то профессор Гарм должен знать. И должен знать, что мальчик-призрак снова спас ее, помог ей сохранить рассудок. Кем бы он ни был.

— Хала Хине, — негромкий отрывистый голос Гарма заставил ее сесть, хотя голова кружилась, — ты звала меня?

— Да, профессор, — Хине попыталась удержать равновесие, но было тяжело. — Вы простите, если я буду говорить лежа? Голова очень кружится.

Гарм помог ей лечь и поправил свернутое в кокон покрывало под ее головой.

— О чем ты хотела поговорить, дитя? — голос его был мягким и тихим, успокаивал.

Страх усилил напор, пытаясь прорваться в кокон. Хине сжала в кулаке талисман Тамо и продолжала говорить. Она рассказала Гарму о сне перед приходом Волны и о том, что случилось, когда Тамо спас их. Она рассказала о мальчике-призраке, спасшем ее от падения во тьму. По лицу Гарма было сложно понять, какие чувства владели им. Оно казалось совсем бесстрастным, только глаза голубые мерцали, как два аквамарина.

— Он спас меня от чего-то ужасного, — говорила Хине, глядя в эти глаза, — он усилил талисман, который мне сделал Тамо. Если бы не он, мне страшно подумать, что бы могло случиться. Да мне и сейчас страшно, профессор. Потому что я не знаю, чего хотело то существо. Оно звало себя Тот-Кто-Живет-В-Тайхетуки.

Гарм вздрогнул, словно его ударили кнутом.

— Фиро, — прошептал он, облизав потрескавшиеся губы, — но как...

Он посмотрел на Хине и неожиданно сжал ее руку в своей.

— Послушай меня, девочка. Возможно, то, что я скажу, покажется тебе странным. Но... Есть человек, который может защитить и оберечь тебя от зла владыки смерти лучше, чем благородный Тамангаваи. Тебе не стоит бояться его, потому что он не враг и никогда им не был.

— Вы не скажете, кто тот мальчик-призрак? — Хине приподнялась, держась за его руку. — Прошу вас, профессор, пожалуйста, скажите! Мне кажется, что это важнее всего, даже важнее моей жизни.

— Это Эйнар, — чуть помедлив, ответил Гарм, — мой сын. Тьма забрала его у меня. Но она не может удержать его, не способна.

— Он продолжает сражаться, — Хине печально улыбнулась, — он великий воин и Сияющий-Во-Мгле.

— Эйнар был... и есть такой, да, — Гарм сжал ее ладонь. — Отродья Зла убили его, но так и не сумели остановить.

— А кто тогда тот, о ком вы говорили? — помедлив, спросила Хине.

Гарм улыбнулся.

— Скоро узнаешь, — ответил он, осторожно погладив Хине по голове.

6. Кольцо Зла

Сны тревожили. Потому Хине боялась засыпать. Но лежа сложно было не уснуть. Потому она отползла к большой пальме, на которую цеплялся один край навеса, и села, прислонившись к ней спиной. Она смотрела на звезды и молила небеса о том, чтобы зло, гнездящееся в ней, покинуло ее.

Неожиданно на плечо ей легла рука, а в следующий миг рядом опустилась тень. Хине вздрогнула, ощутив жаркий аромат корицы и сандала. И только спустя пару секунд до нее дошло, что это Карна Сингх. Она в испуге попыталась отодвинуться, но бхаратиец миролюбиво ухмыльнулся и убрал руку с ее плеча.

— Тяжело тебе, крошка? — тихо спросил он, наклонившись к ней. — Тьма внутри... я ее чувствую.

Хине обхватила коленки руками, сжавшись в комок. Сингх тут же скопировал ее позу.

— Почему ты помог? — спросила она, глядя в песок перед собой. — Ты ведь сам был... не очень здоров. Рисковал.

— Потому что мог, — он пожал плечами, — для меня это дело чести. Школа приняла меня, человека без касты, без отца и матери, приняла как свое дитя.

— А ты и правда, не знаешь, чей ты сын? — Хине с удивлением взглянула на парня. — Но ты ведь Сияющий! Хотя, конечно, иногда границы переходишь.

Сказала и отчаянно покраснела, уткнувшись взглядом в собственные руки. До нее донеслось тихое грустное хмыканье.

— Ну, чтобы примирить брата и сестру, любые средства хороши.

Хине уставилась на него недоверчиво и с почти откровенным ужасом. И поймала обеспокоенный взгляд золотых глаз.

— Не вздумай говорить им, — тихо произнес Сингх, — сейчас они вместе, и это прекрасно. Брат и сестра не должны ссориться и разлучаться. Семья — это самое прекрасное, что может быть. Семья — это спасение.

— Семья, — Хине горько вздохнула, — я ее только здесь обрела. Я имею в виду настоящую семью. Тир, Дин, Саджа, теперь вот еще Тамо. Даже если его переведут в другую Семью, он все равно останется нашим братом. Ты понимаешь же?

— Как никто другой, — кивнул Сингх, — и я хотел сказать... несмотря ни на что... ты можешь на меня тоже рассчитывать, как на свою семью. Хотя я предпочел бы немного иные отношения.

— И ты не боишься того, что внутри меня? — тихо спросила Хине.

Сингх покачал головой.

— Я не боюсь Тьмы. Я ее уничтожаю.

Он поднял руку, и в ладони его вспыхнул ослепительно яркий свет, источающий непереносимый жар. Хине в изумлении уставилась на него.

— Такому нас еще не учили. А вас, выходит, да? Мы же на одном курсе, тогда почему?

— Не учили, — ответил Сингх, сжимая руку в кулак и гася шарик света, — это я с детства умею. Потому и сюда попал. Нашелся человек, который в меня поверил и отправил сюда. Сам-то он из простецов, без капли магии. Хотя и один из самых богатых людей Бхарати, наследник огромной фармацевтической империи. Но у меня получилось спасти ему жизнь. Как раз вот таким способом. Разогнал напавших на него убийц. Ну, Суйодхана и забрал меня к себе телохранителем, хотя мне тогда всего двенадцать было. А его матушка Гандари ему посоветовала меня отправить в Школу Островов. Мудрая женщина, она сразу увидела то, что являлось моей сутью. Благословила меня перед тем, как отпустить. Я ей безмерно благодарен. Никто в этом мире не делал для меня больше. Разве только вот Школа мне дала тех, кого я полюбил так же сильно, как Йодхи и матушку Гандари. Мою школьную семью... и еще одну маленькую светлоглазую пташку.

Хине слушала его, боясь дышать. То, что он говорил, словно меняло все. Меняло течение событийной линии. Хине ощущала это как нити, переплетающиеся в груди и животе. Огненные нити, усыпляющие Тьму внутри.

— Ты бросилась спасать своих, хотя Волна могла вас всех уничтожить, — сказал Сингх, как-то незаметно приобнимая ее за плечи, — а до того кинулась защищать своего «братца» во время поединка, такой храбрости я не мог бы ожидать от хрупкой девы.

Хине хотела было сбросить его руку, но вместо этого придвинулась ближе, согреваясь о горячий бок. Она сама себе поражалась. Сингх

сражался с Саджей, покалечил его, но она не ощущала его врагом. Она чувствовала его как кого-то, кто мог встать между ней и тем, кто звал ее во мраке глубинных вод.

— Ты потрясающая, — тихо прошептал Сингх, прижимаясь губами к ее виску, — не только храбрая, но и красивая.

Хине смущенно улыбнулась.

— Никогда не была красоткой. Это тебе к Адини. Вот она у нас красавица, и куда храбрее меня.

— У всех разный вкус, — резонно ответил Сингх, — и на мой ты просто совершенство.

Пламенные нити внутри резонировали, разгоняя тьму. Хине казалось, что она плывет в волнах огненного океана, но от этого не было больно или страшно. Было невозможно, удивительно прекрасно. И губы Сингха на ее губах казались чем-то удивительным, но уместным на все сто.

Они улеглись на песок, обнявшись, и Сингх подставил плечо.

— Тебе надо поспать без кошмаров, малышка, — мягко прошептал он, вороша ее волосы и как-то укачивая в своем пламени, — ничего не бойся.

И Хине уснула.

Когда она проснулась, солнце стояло уже высоко. Впервые за долгое время Хине чувствовала себя отдохнувшей, наполненной и живой. Она взглянула на лежащего рядом Сингха и натолкнулась на нежный ответный взгляд и белозубую улыбку, заставившую ее покраснеть от смущения. И то сказать, впервые она спала бок о бок с мужчиной, не являвшимся членом ее Семьи.

— Хорошего утра и ясного дня, ребята, — татуированная физиономия Тамо появилась перед ними, загородив солнце, — профессор Гарм зовет вас. Говорит: срочно. Он сейчас во временной хижине вон там, — танифа махнул рукой.

Сингх поднялся и помог встать Хине. Проходя мимо лежащих и сидящих в ряд пациентов временного Целительского Дома, она увидела склонившихся друг к другу Тириота и Вадзилису. Они о чем-то беседовали, улыбаясь и не сводя глаз друг с друга. Хине улыбнулась. Почему-то стало радостно за Тира, который все-таки нашел себе девушку по душе.

Они прошли мимо нескольких группок старших студентов, возводивших временный дворец из песка и воды с помощью Высшей Магии Творения. Хине с восторгом смотрела, как под их руками вырастают тонкие, но прочнейшие белоснежные стены, как сами собой кроются крыши и как младшие студенты со смехом и шуточками проверяют жилища на прочность, посылая легкие заклятия или просто толкая стены.

Хине выхватила взглядом на знакомое лицо. Разумеется, она знала многих в школе, хотя не всех. Но это лицо она бы не могла забыть никогда, как и взгляд желтых глаз. Но как он здесь? Ведь профессор Эйдан его отправил с островов. Хине сжала руку Сингха, но, когда тот повернулся и взглянул, желтоглазого не было. Хине потрясла головой.

— Показалось, наверное, — пробормотала она, всматриваясь в лица ребят, но не видя уже желтых глаз.

Чуть поодаль, на открытой площадке, несколько десятков самых опытных студентов-старшекурсников занимались приготовлением обеда. Прямо на поверхности из плотно спрессованного магией песка они творили самые разные блюда, зачастую из самых разных мест планеты. Одна из девушек наколдовала огромный торт с пышно взбитым кремом, украшенный кремовыми цветами и птицами. Хине облизнулась, предвкушая потрясающий завтрак.

Гарм ждал их в просторном и уютном домике, смотревшем снаружи как обычная рыбацкая хижина. Выглядел он спокойным, но Хине вдруг стало так страшно, как уже давно не было. И все страхи, что терзали ее доселе, показались такими слабыми и маленькими.

— Что случилось, профессор? — прошептала она, вцепившись в плечо Сингха, который тоже словно окаменел.

— Присядьте, дети, — Гарм подошел к столу, на котором расположились несколько стопок книг, глобус течений и что-то, похожее на черный матовый обелиск неправильной формы. — Сейчас придут остальные, и я все расскажу.

Хине огляделась и невольно вздрогнула при виде неподвижно лежащего на кушетке у дальней стены Эйдана Лейна. Заклинатель Волн казался неживым, лицо его было жуткого сине-зеленого оттенка, глаза закрыты и словно утоплены в глазницах темно-сизого цвета.

— Профессор, вы звали?

На пороге возникли трое. Тир, Саджа, все еще немного бледный, но державшийся молодцом, и его огромная сестрица. Хине недоуменно уставилась на них.

— А где Адини и Тамо?

Словно в ответ на ее вопрос танифа возник за спинами ребят.

— Ее нигде нет, профессор, — сказал он, хмурясь, — и никто ее с ночи не видел.

Изображение памяти вещей мерцало, наложенное на черный обелиск. Хине молча смотрела, как маленькая фигурка движется по комнате, открывая ящики, потроша шкафчики. Как поднимает

найденный в отдельной черной шкатулке перстень, найденный Тамо в рыбе, и надевает его на палец. И как сталкивается на выходе с Эйданом. Лицо Заклинателя Волн, изумленное, в глазах потрясение. Он вздрогнул, лицо изменило цвет. Осел прямо на пол. Адини медленно опустила руку с кольцом, перешагнула через тело и вышла.

— Этого быть не может! — выдохнул Саджа. — Она ведь не по своей воле это сделала!

— Разумеется, не по своей, — покачал головой Гарм. — Смотрите внимательно, дети, постарайтесь увидеть то, что вижу я.

— Талисман, — прошептала Хине, холодея, — у нее нет талисмана. Он на груди у нее висел, ей же Тамо сделал. А тут его нет!

Гарм кивнул. Лицо его было пепельно-серым, когда он взглянул на неподвижное тело Эйдана. У Хине сердце сжалось от его боли. В памяти всплыла темная спальня, сильные руки, осторожно усаживающие ее в кресло, ласковый голос. Боль, сострадание и гнев вдруг охватили ее, заставив подняться с места. Ураган бушевал в ее груди, и это было новое странное чувство, доселе неиспытанное. Она подошла к неподвижному, иссиня-бледному Эйдану Лейну и опустилась на колени перед его ложем.

— Профессор, — прошептала она, положив руки на холодную грудь, — держитесь. Держитесь крепче!

Она сняла с себя талисман и положила его на грудь Лейну. На мгновение стало очень холодно, но Хине отогнала это чувство касания тьмы изнутри. Она смотрела, как светлеет кожа Эйдана там, где касается его талисман, как едва заметно вздымается грудь.

— Профессор, — обратилась она к Гарму, который, кажется, даже не дышал все то время, пока она колдовала над Эйданом, — будьте с ним рядом, согревайте его. И не снимайте с него талисман. Он

поможет продержаться профессору Лейну, пока мы с ребятами не вернем Адини и кольцо.

— Нет, хала, — Гарм покачал головой, — на такое я не могу отпустить тебя, пусть даже с друзьями. Вы не представляете себе, с кем имеете дело.

— Я пойду с ними, — сказал доселе молчавший Тамо, — доверьтесь мне, профессор. Я смогу защитить их. А ваша защита нужна здесь, в ней нуждается не только ваш арохануи, но и все ученики Школы. А кто, кроме Гарма, лучшего из псов, сможет оберечь своих детей!

Хине вздрогнула, невольно задержав взгляд на лице директора. И на краткий миг ей показалось, что она видит не лицо мужчины, а морду огромного черного пса с четырьмя алыми глазами. Холодный пот заструился по ее спине. Но Гарм неожиданно улыбнулся едва заметно, и наваждение пропало.

— К тому же, — продолжал Тамо, — вам нужно найти того, кто под покровом ночи ухитрился снять мою защиту с бедняжки Адини, отдав ее на откуп чудовищу. Он здесь, и я его чую. Хотя здесь он быть не должен.

Гарм медленно кивнул, глядя на танифу с непередаваемым выражением.

— Назови свое Истинное имя, хаку, — в голосе его звучало не требование, но просьба, — потому что не ученик ты. И пришел хотя и как ученик, но столько уже сделал для Школы, сколько не смог сделать никто из нас.

— Вы же знаете, профессор, — безмятежно улыбнулся Тамо, — Истинное имя дает уязвимость. Потому не просите меня назвать его.

Гарм чуть склонил голову, глядя на танифу. Затем кивнул и повернулся к книжной полке. Вынув несколько книг, он пошарил

внутри и извлек большую шкатулку, выточенную из цельного куска базальта. Открыв шкатулку, он повернулся к Тамо. Хине заглянула в шкатулку и задержала вдох. На бархатной алой подложке лежала очень старая палица-пату, удивительно изящная вещь с заостренным краем и стилизованным изображением сжатого кулака со снопом пламени.

— Ринга Ахи! — обалдело выдохнул Тириот. — Я думал, что это легенда!

— Это и есть легенда, — ответил Гарм, протягивая пату Тамо, который преклонил колено, с большим почтением принимая дар, — это единственное оружие, которым можно победить то зло, что противостоит нам. Эта пату может освещать путь во тьме глубин и отгоняет силы зла.

— Откуда она у вас? — прошептала Хине, вытягивая шею, чтобы получше рассмотреть пату.

— Когда только открылась Школа Островов, эту пату принес первому директору Школы, профессору Анулапу, молодой человек, назвавшийся Тем-Кто-Живет-На-Высшем-Небе. Он вручил ее как защиту от Зла, что подстерегает во тьме. С тех пор Ринга Ахи ждала своего часа, будучи укрытой от чужих глаз. Думаю, знай о ней Тот-Кто-Таится-Во-Тьме, он бы отдал все, чтобы заполучить ее.

Тамо взмахнул палицей, и та неожиданно вспыхнула в его руке ярким синевато-белым пламенем. Он протянул руку и легонько тронул концом палицы плечо Саджи. Это странное действие принесло самые неожиданные результаты. Потрепанный и казавшийся совсем измученным Саджа вдруг выпрямился, выпустив крепкое плечо своей сестры и откинул в посветлевшего лица длинную гриву. Синяки на его коже быстро рассасывались, щеки залил его обычный бодрый румянец.

Вторым Тамо облагодетельствовал Сингха, на котором благословение сказалось также самым благоприятным образом.

Потом коснулся плеча Тириота, следом за ним — Вадзилисы. Затем, чуть помедлив, коснулся плеча Хине. Девушка покачнулась. Ей показалось, что все ее тело внезапно сотрясла чудовищная молния. А затем его пронизал поток такой силы, что закружилась голова и пресеклось дыхание. Она в изумлении смотрела на остальных, чувствуя себя такой живой и сильной, какой не была никогда. Взгляд ее упал на Эйдана Лейна, но Тамо неожиданно покачал головой.

— Нет, девочка, — мягко произнес он, — частица его души в плену у Живущего-Во-Тьме. Если не вернуть ее, он проснется не тем, кем был. И это тоже нам предстоит сделать — добыть осколок, украденный у него.

— Вижу, я не ошибся, — улыбнулся Гарм, — что ж, дети мои, ступайте. Путь будет вам открыт. Делайте то, что задумали, и да помогут вам Те-Кто-Сияет.

Он поднял обе руки, и между его ладонями возникла тьма. Он развел их, расширяя тьму, сияющую, точно звездная ночь.

— Идите. Обратный путь вам проложит Ринга Ахи. И постарайтесь вернуться все!

Тамо первым шагнул в портал. За ним последовали Хине и Сингх. Мерцающая тьма на миг обняла их. А потом Хине стояла бок о бок с сияющим во мраке Сингхом в казавшейся бескрайней пустыне.

Дышать было тяжело, спертый душный воздух и ледяной холод пронизывали ее сердце. Она крепко стиснула в ладошке горячую руку Карны, ощущая, как через ладонь втекает его пламя.

— Держись крепче, раджкумари, — шепнул он, коснувшись ее щеки губами, — это мир Мертвых.

Тамо, Тириот, Саджа и Вадзилиса стояли теперь бок о бок с ними. И Хине поразились тому, как светились все они. Казалось, лишь она из всех излучала тьму.

— Держаться всем рядом, не отставать! — голос Тамангаваи прозвучал как грохот грома, даже земля под ногами задрожала.

Они двинулись по громадной пустоши, и Тамо шел впереди, высоко подняв сияющую во тьме Ринга Ахи.

7. Сквозь туманы и мороки

Хине видела скользящие мимо тени. Некоторые из них пытались приблизиться, но свет, исходящий от ее спутников и от талисмана богов, отгонял их прочь. Однако вскоре тьма перестала быть единственной проблемой. Когда туман заструился из трещин в земле, стало ясно, что будет куда сложнее пройти этот путь. Туман щупальцами обвивался вокруг ее ног, не давая идти. Несколько раз она едва не упала.

— Так дело не пойдет, — сказал Карна, заметив, что ноги у нее заплетаются, — давай-ка перебирайся мне на спину и держись крепче.

Хине подчинилась, с наслаждением прижавшись животом и грудью к горячей спине Сингха. Он слегка крикнул, но вес взял, подхватив ее под колени. Ребята сгрудились вокруг них. Впереди по-прежнему шел Тамо, позади Саджа, сиявший ослепительной белизной. И по бокам расположились его могучая сестра и Тириот. Исходивший от них свет окутывал Хине, и было намного легче. Но она все равно склонила голову на плечо Карне, вдыхая его тепло. Что-то дергало изнутри, она словно чувствовала нить, черную и тонкую, пульсирующую внутри, в самом сердце. Нить тянула ее, а на другой стороне был тот, кто звал.

— Мы идем не туда, — сказала она спустя какое-то время, — надо забрать налево, за вон те скалы.

Тамо бросил на нее быстрый взгляд через плечо и послушно двинулся в указанном направлении.

Хине стало немного легче, но ненадолго. Черная нить внутри пробуждала странные желания, странные и несвойственные ей. Например, ей захотелось вдруг вонзить зубы в соблазнительно пульсирующую жилку на шее Сингха, ощутить во рту вкус его огненной крови. Она поспешно отодвинулась и попыталась сползти с его спины.

— Что такое? — спросил Сингх, аккуратно спуская ее. Хине мотнула головой. Ее слегка потряхивало.

— Думаю, Тот-Кто-Таится-Во-Тьме влияет на нее, — сказал Тамо, выше поднимая пату, — она боится навредить. Ведь так?

— Да, — ответила Хине, держась за руку Сингха и с трудом передвигая ноги, — мне страшно... но это ничего. Надо идти. Только вот как мы будем справляться с тем, чего даже не знаем?

— Знаем, — спокойно ответил Тамо, — знаем уже давно. Все мы.

— Ну, не то чтобы знаем, — задумчиво произнес Саджа, — скорее что-то другое. Как очень смутное ощущение. Что-то, что мое — и вместе с тем...

— Причем оно усилилось здесь, — сказал Тириот, отряхивая с ноги щупальце тумана, — словно мы уже были вместе. Словно что-то произошло... уже.

— Я помню алтарь и женщину на нем, — сказала Вадзилиса, и голос ее тяжело и гулко отдался в тумане, — и помню, что стояла бок о бок с вами. Но как такое может быть?

— Прошлое вернулось, — спокойно ответил Сингх, — мы вспоминаем его. Прежнюю инкарнацию, где были вместе. Где бок о бок стояли против чего-то... темного.

— Вы должны вспомнить свои имена, — Тамо остановился вдруг и повел свободной рукой, словно осязая что-то, — эти имена будут вашей защитой. Держите их у самых сердец.

Хине прикусила губу, вцепившись в плечо Сингха.

— Они близко, — хриплым, не своим голосом пробормотала она, — совсем близко. Они сами — смерть и алчут смерти!

— Ваируа, — Тамо переложил пату в левую руку и поднял правую, огненной вспышкой в руке его проявился топор токи с сияющим нефритовым лезвием, — они подходят! Друзья, вам достаточно лишь представить то оружие, которым вы желаете сражаться! Вашей маны хватит, чтобы...

Он умолк, и пату в его левой руке вспыхнула так ярко, что осветила и большую часть пространства вокруг, и сгорбленные урчащие фигуры, подбирающиеся к ним со всех сторон.

Хине почти теряла сознание от непереносимого натяжения в груди. Больно было до изнеможения. Сингх обнял ее одной рукой за талию, в другой у него пылало изогнутое лезвие, чей свет был ярким, как полуденное солнце.

Тириот в обеих руках держал два топорика. Вадзилиса и Саджа обзавелись длинными тяжелыми клинками. Хине напрягла все силы, задыхаясь от боли, гнева и отчаяния. Почему-то вспомнился Теке, маленький и веселый Теке, ее огонек, ее солнышко.

«Он придет ко мне... мой сын...»

Голос прошелестел в сознании, словно скользнувшая черная змея.

«Неверная дочь уйдет блуждать по равнинам моего мира вечно. Преданный сын заменит ее у моих ног».

Хине потрянула головой, чувствуя, как внутри разгорается что-то страшное, горящее, точно лава, сжигающее дотла. Она слышала исполненный ярости вопль и не понимала, что кричит сама. От этого крика темные тени, окружившие маленький отряд, осыпались черным песком и пеплом, а скалы начали трескаться.

— ТЫ НЕ ПОЛУЧИШЬ МОЕГО БРАТА!

Хине подняла руку, сотрясаясь от гнева, какого никогда не испытывала доселе. В ладони, мерцая, проявился луч яркого света, который превратился в длинный, странно изогнутый в центре жезл. Ослепительно-яркое сияние заполняло все вокруг. Хине... — о нет, уже не Хине! — шла вперед, подняв этот жезл, а бок о бок с ней шли те, кто был рядом когда-то давно... и вернулся сейчас.

Она слышала шипение и чувствовала, как пытается вползти в сердце черная змея сомнения. Но свет ее сердца не позволил змее взять верх. Огненная ярость от мыслей о Теке заполняла ее целиком. Ее малыш, ее маленький мальчик! Никто не коснется его! Никогда!

С громким треском разломилась поверхность скалы, открыв проход, дышнувший тленом и ледяным холодом. Хине шагнула в пещеру, вытянув жезл. Свод пещеры постепенно поднимался, пока не исчез в необозримой вышине. Стены также разошлись, и их было теперь почти не видно. Небольшие группки черных облезлых существ разбегались, ворча и шипя.

А потом началось безумие. Темные тени, оскаленные клыки, зловонные крылья и тела буквально окутали их. Хине чувствовала, как острые когти вонзаются в ее плечи, отрывают от земли. Она лишь успела схватить за руку сражавшегося рядом Сингха, пытаясь удержаться. Но как ни старался он удержать ее, когти и крылья были сильнее. Хине забилась, крича, чувствуя, как ледяными змеями заползают в тело чужие путы и чары.

«Не желаешь быть моей дочерью, — шептал голос в голове, — будешь моей рабыней... ЕЕ рабыней... вечно».

Хине видела кошмар, и кошмар был реальностью. Она лежала на каменной плите, голая, изодранная когтями, и понимала, что проиграла. Она проиграла все свои битвы, одну за другой. В сотнях и тысячах воплощений она старалась уберечь человечество, своих детей, но раз за разом проигрывала Той, что была во Тьме...

...Хине бежала через коридор, трясясь от страха. Ледяное присутствие следовало за ней, шарахаясь от редких горящих светил на стенах. На мгновение ей почудилась ледяная ладонь, обвившаяся вокруг шеи. Хине с воплем рванулась к двери в конце коридора и ударилась о нее всем весом своего небольшого тела. Дверь неожиданно распахнулась, и она влетела в спальню, тонувшую в сумраке.

— Помогите! Оно здесь! — девушка, задыхаясь, бросилась к высокой фигуре, поднявшейся с постели. Ледяное щупальце увереннее оплело ее горло, но почти сразу же прикосновение исчезло. Яркая вспышка разорвала тьму, отбрасывая порождение Грани обратно в коридор. Спустя еще миг вторая рослая фигура встала между Хине и призраком. Осыпaeмый едкими обжигающими вспышками магии, тот нехотя просочился сквозь стену, оставив на ней облако эктоплазмической слизи. Хине, дрожа всем телом, прижалась к стене подальше от двери... Спустя мгновение тот, что стоял перед ней, шагнул в тусклую полосу лунного света. И Хине закричала, чувствуя, как осыпается рассудок при виде высокого темнокожего существа с ужасающим лицом и гнилой, сочащейся кровью и гноем кожей. Второе существо было женщиной и улыбалось. Но сквозь изящную и чарующе красивую оболочку сочилась мерзость, равной которой не было в мире...

...Боль была чудовищной. Ей казалось, что все тело превратилось в ледяной узел огня. Невозможно было дышать. Невозможно было

пошевелиться. Она лежала с открытыми глазами и видела сидящего на возвышении гиганта, чье лицо было ей знакомо. Нельзя было не узнать эти черты, красивые, яркие и вместе с тем словно отмеченные всеми пороками. Коухату те Поури, ее отец, только огромный, непередаваемо жуткий, с растрепанной гривой темных волос, смотрел на нее, ухмыляясь.

— Неужели ты думала, что я позволю тебе разрушить все, что строил так долго? — зазвучал его голос, одновременно тяжеловесный и вкрадчивый. — Я растил и творил тебя так, как было должно, чтобы ты могла верно служить мне и той, что держит руку на моей голове. Но ты, глупая девчонка, решилась мне противостоять. Что ж, ты увидишь, как твои спутники издыхают в муках. А потом я пожру их, как пожрал этого щенка, сына Черного Пса Севера.

Он взмахнул рукой, на которой сверкнуло ослепительным мраком кольцо, похищенное Адини, и Хине забилась, корчась в смертной муке. Боль исчезла, но она почти перестала дышать. Она попыталась сморгнуть слезы, а когда это удалось, увидела с десяток черных чудовищных теней, тащивших к трону Коухату растрепанного и окровавленного Тира. Одежды на нем почти не осталось, лишь обрывки аху кое-как прикрывали бедра, на теле полосы содранной кожи свисали лохмотьями. Но хуже всего было с лицом. Оно казалось мертвым, утратившим нечто, что всегда пылало в черных глазах. Сейчас на Хине смотрели глаза мертвеца, пустые и безжизненные.

— Начнем с этого, — Коухату оскалил в ухмылке остро заточенные зубы, — он хорошо держал тебя, не дав прийти ко мне, когда я призвал тебя впервые.

По его знаку Тира привязали к каменному столбу рядом с возвышением. Хине неслышно застонала, пытаясь хотя бы пошевелиться.

— Какую муку мы выберем для этого жалкого порождения Манито?
— в голосе Коухату слышалась насмешка. — О, быть может, сердце его обрадуется, почувствовав цепи, которыми он приковывал тебя к себе?

Тир издал короткий утробный звук и дернулся так, что длинные черные волосы его взметнулись, на миг открыв перекошенное страданием лицо. Хине в отчаянии потянулась к нему светом своего сердца, той слабой, едва заметной искоркой, которая не давала ей умереть.

— Как трогательно, — хмыкнул Коухату, — но ты не спасешь его. Никто не спасет ни тебя, ни тех, кого ты привела ко мне. Они будут моими игрушками, пока мне не надоест любоваться их муками. Как и ты, предавшая меня ради них.

— Ты трусливая ящерица, — Хине прикладывала все силы, чтобы заставить язык ворочаться в пересохшем рту, — жалкий трус... не сражался сам... послал этих. Трус!

Коухату приподнялся на своем возвышении, глаза его замерцали алым. Щупальца боли снова пронизали тело Хине, но, во власти отчаяния, ярости и желания защитить друзей, она даже не застонала.

— Трусливая ящерица! Вареная голова!

Ей казалось, что на грудь положили тяжелый камень. Сердце едва колыхалось под ним.

Откуда-то доносилась песня, странная, чужая, но от ее звуков дышать становилось легче. Хине не понимала языка, но музыка, переливчатая и яркая, втекала в сознание и тело золотыми нитями. Она улыбнулась, увидев, как вскочил Коухату. Она видела в его глазах ненависть и что-то, похожее на страх.

Свет распространялся, заполняя пещеру. Темные существа заматались, пытаясь укрыться от него. Но укрыться было невозможно. Тот, кто принес свет, шел спокойно, не торопясь, и пел. Коухату заревел, точно раненый бугай, пытаясь заглушить звонкий голос. Но попытки его были тщетны.

Сингх приближался к алтарю, на котором лежала Хине. И с каждым шагом его свет растворял тьму внутри нее и извне. Хине села, плача от радости и облегчения. А потом спрыгнула с алтаря и поплелась к привязанному у столба Тиру. Освободить его не стоило труда.

Сингх продолжал петь, но сияние его вдруг стало угасать. Тени заструились по стенам гигантской пещеры. Они словно поглощали свет, гасили его. В лице бхаратийца не было и следа страха, но он встал так, чтобы загородить собой друзей, и поднял ослепительно сияющий клинок.

— Пой, Карна, — мягко прозвучал голос от входа, — пой, и пусть твоя песнь не угасает. А я поговорю с моим братом о том, кому он служит и как преступил законы и порядки, заповеданные Отцом и Матерью.

Хине широко раскрытыми глазами смотрела, как Тамангаваи идет к забившемуся в темный угол Коухату. Сияние, окутывающее его тело, было не так ярко, как свет Сингха, но оно рассекало тьму, точно острейшее из лезвий. Сейчас лишь черты лица и улыбка оставались прежними, но ослепительная сила не могла принадлежать обычному смертному, даже полукровке.

— Скажи мне, брат, почему ты сам не вышел навстречу? Неужто та, что овладела твоим рассудком и маной, заставила тебя устрашиться?

Коухату часто моргал, глядя на приближающегося Тамо. Казалось, он совершенно потерян и сломлен. Но Хине чувствовала, что он затаился. Это ощущение опасности сводило с ума так сильно, что

она бросилась вперед со всей скоростью, на которую были способны ее ослабевшие ноги. Она успела встать между двумя великанами, прежде чем вылетевшие из груди Коухату черные осколки вонзились в тело Тамангаваи. Ледяной холод несли эти осколки. И это не был холод смерти. Чудовищная тьма из-за грани понимания струилась в них. Голос Сингха боролся с этой тьмой, но золотые нити угасали.

Хине лежала в объятиях Карны, который обнимал ее, стараясь изгнать тьму из ее тела. Осколки он вытащил, хотя сжег руки при этом. И голос его едва заметно подрагивал, когда он пел.

А у дальней стены пещеры сражались двое: один — словно сгусток слепящего света, второй — точно облако чернейшей мглы. С потолка сыпались мелкие осколки, пол дрожал под ногами.

— Хине!

Она с трудом повернула голову, глядя на Саджу и его сестру, бегущих к ней.

— Помогите мне! — выдохнул Сингх. Северяне опустились рядом и положили руки на грудь Хине. Стало чуть теплее, но холод уже был внутри. И Хине не могла бороться с ним. Он уносил, утягивал, заставляя истекать слезами и жизнью. Она закрыла глаза...

Бескрайняя равнина была полна странных растений, уродливых выростов и черного тумана, струящегося из самой земли. Тьма черного солнца позволяла видеть все до мельчайших подробностей, но словно выпивала весь свет сердца.

— Наконец-то мы с тобой встретились, дитя мое, — произнесла женщина несравненной красоты, сидевшая на причудливо изогнутом черном камне, — я ждала этой встречи.

— Зато я не ждала ее, — ответила Хине, собирая все остатки ярости и силы, что еще оставались в ней.

— Твой отец обещал тебя мне, когда ты была еще в утробе твоей матери, — женщина улыбнулась, — но, разумеется, ты можешь выбирать, захочешь ли пойти со мной или вернуться к своим друзьям.

Хине молча смотрела на нее, пытаясь понять, как действовать. В голове плыл темный туман, мысли мутились. Она попробовала дышать размеренно, через определенные промежутки времени, и это принесло свои плоды.

— И каковы условия? — спросила она, настороженно глядя на женщину.

— Я просто покажу тебе, дитя мое, — та продолжала улыбаться, но в улыбке ее теперь была печаль, — ты увидишь сама. И примешь решение.

...Леонора кричала, задыхаясь. Растерянная и напуганная Хине сидела рядом, обмакивая чистые тряпки в травяной отвар и прикладывая к животу, чтобы как-то облегчить родовые муки бедняги.

— Отец сейчас приведет знахарку, — шептала она, стараясь уверить и себя, и роженицу, — она поможет тебе, Леонора.

Хлопнула наружная дверь. Спустя несколько мгновений появился отец, волоча за руку пожилую женщину в голубом переднике, местную повитуху Локелани. Оценив ситуацию, та сразу же взялась за дело. Хине была на подхвате, носилась с чистой водой, тряпьем, делала отвары. Путь ее периодически пролегал мимо семейной кумирни, где курились благовония и звучала тихая музыка. Она видела краем глаза отца, склонившегося перед нишей, в которой находилась статуя божества. Она не видела того, кому молился

отец, но отчего-то по телу всякий раз пробегали мурашки. И музыка, доносившаяся из кумирни, была тяжелой и тревожащей.

Леонора родила лишь к вечеру. Слабый и жалкий, новорожденный висел, точно сломанная кукла, на руках у повитухи. Он не дышал, несмотря на все попытки старой Локелани пробудить в нем искру жизни.

Но вдруг вошел отец. Лицо его было бледно, в руках темнел лоскут ткани, которым он укрыл ребенка, безвольно лежащего на груди рыдающей матери. Хине подумала, что ей показалось, когда лоскут вспыхнул темным сиянием. Старая Локелани как раз подбрасывала в огонь ароматные травы, потому не увидела того, что произошло. Только обернулась пораженно, когда малютка запищал...

— Та сила жизни, что я дала твоему брату, — почти шепотом произнесла женщина, глядя на Хине темными, без белков, глазами. — Я могу уйти, дитя мое. Но тогда твой брат уйдет вместе со мной. Ибо моя сила дала ему жизнь.

Хине прикусила губу, содрогнувшись от душевной боли и отчаяния. Ее малыш Теке! Ее маленькое чудо! Все, что было прекрасного в ее жалкой жизни! Она стиснула руки, задыхаясь от отчаяния.

— Ты боишься за своих друзей? — тихий голос раскалывал рассудок. — Но они никогда не принимали тебя до конца. Ты была нужна лишь для того, чтобы подшучивать над тобой, чтобы выделяться за твой счет, чтобы получать от тебя некие услуги. Взгляни!

...Адини задумчиво сплетала волосы в сложную косу-сетку. Хине любовалась ею, попутно делая записи в своей таблице. Остальные ребята занимались кто чем. Тир тренировал чары захвата, то набрасывая веревки на Саджу, то испаряя их.

— Ладно, братец, — сказал северянин, заботливо оправляя на себе одежду, — пойду я. Меня ждет одно милое маленькое приключение. Пока потренируйся на Хине, только не пугай ее сильно.

— Эй, никаких тренировок, пока она не закончит наше домашнее задание! — Адини ухмыльнулась.

— Я лучше на тебе потренируюсь, — Тир легким движением набросил на нее путы, — Хине у нас птичка маленькая, мяса нет совсем. И перышки на убор не пустишь. А вот ты...

— Я тебе дам мясо! — возмутилась Адини, пытаясь выпутаться. — Это я что, по-твоему, мясистая?

— Там, где надо, — довольно мурлыкнул Саджа прежде, чем прикрыть за собой дверь. Вслед ему полетела подушка...

— Неужели ты никогда не замечала, что они смеются над тобой? Над твоей хрупкостью и слабостью. Над беззащитностью.

Хине с трудом подняла голову. Сцена, которую она помнила, словно предстала в совсем ином свете. Тогда она легко восприняла сравнение с маленькой невзрачной птичкой. Но сейчас, увидев выражения лиц остальных кворр, испытала боль и тоску. Тир смотрел на нее с брезгливым выражением, и теперь она понимала, почему он никогда не отвечал на робкие попытки ее к сближению. Адини смотрела на нее насмешливо, ну конечно, ведь именно Хине всегда делала за нее домашку, помогала с уроками. И лицо Саджи, когда он предложил потренироваться, в его глазах не было ничего кроме презрения к ее слабости. Они все презирали ее, каждый по-своему. Для них она была только жалкой и не в меру старательной простушкой, над которой можно было издеваться в глаза, а она ничего не замечала, ослепленная своей любовью к ним.

Холод внутри разрастался. Память сбоила.

— ...Я надеялась на тебя, а ты! — Адини обиженно смотрела на нее, держа в руках лист тростниковой бумаги с запоротой контрольной по расчетам курсов. — И как теперь мне быть? У меня и так в этом семестре два низших балла!

— Учиться надо, вот что, — проворчал Тир, — а не бегать на свидания. А ты, Хине, лучше бы потренировала чары готовки. Если уж не умеешь нормально готовить из того, что есть.

— У меня до сих пор песок хрустит на зубах, — пожаловался Саджа, — надо было самому делать.

— И как будешь дальше жить? — насмешливо сказала Адини, глядя на сникшую Хине. — Если еще и готовить не умеешь... ко всему прочему...

Хине поморгала, пытаясь стряхнуть слезы. Как она могла подумать, что нужна им? Что нужна хоть кому-то, кроме Теке. Им всегда было плевать на нее. Для них она никто.

Что-то теплое коснулось сознания. Она не сразу поняла, что это не ее мысли. Видела свое лицо, бледное, перепуганное, видела лица Тира, Адини и Саджи, обеспокоенные и озадаченные. Видела руки Тира на своих плечах.

...Она лежала в объятиях Тира, связанная с ним сердцами. И его руки оберегали ее от того, что бродило извне.

...Паром летел сквозь ветер и шторм. И Саджа сидел рядом, обнимая ее, защищая...

— ...Эй, детка, ну чего ты такая смурная? — Адини выглядела огорченной. — Ну прости меня, Хин, знаешь же, что у меня ветер в голове. Иногда скажу, а потом жалею. Ты — сестра, и все тут. Для всех нас. И мы за тебя на чешуйки разделаем!

Слезы текли и текли. Адини обняла ее, и обняли Тир и Саджа, стараясь успокоить, обогреть. И лица их были полны нежности и сочувствия...

...Она стояла на берегу и смотрела, как Теке запускает воздушного змея. Лицо его было сосредоточенным, губы поджаты. Змей парил над его головой, но неожиданно порыв ветра швырнул его на пышную крону пальмы. Досадливо зашипев, Теке подергал за веревочку, но змей сидел плотно.

— Давай, лезь наверх, — сказал Теке, швыряя веревку в руки Хине, — достань его!

Хине бросила взгляд на высоченный ствол. Просто так было не влезть, а пояса и когтей у нее с собой не было.

— Ты что, оглохла? — грубый голос младшего братишки выдернул ее из раздумий. — Я сказал, лезь и достань моего змея! Чего ты на меня пялишься, тупица?

— Прочь отсюда, тварь!

Хине вздрогнула и подняла голову. Женщина теперь стояла, и лицо ее, искаженное гневом, казалось по-настоящему страшным. Красота его по-прежнему ослепляла, но теперь сквозь нее проглядывало нечто, от чего по телу Хине заструился холодный пот.

Она оглянулась, но никого не увидела рядом. И все же что-то было внутри нее самой, что-то теплое и сияющее, разгоняющее переполнившую ее тьму. И это что-то смотрело ее глазами, рассекая морок красоты и нежности, окутывающий женщину.

— Ты не можешь забрать меня без моего позволения, — сказала Хине, выпрямившись и глядя теперь уже без страха на ту, что стояла перед ней.

С губ женщины сорвалось шипение. Она подняла руку и сделала резкое притягивающее движение. Хине покачнулась, ощутив ледяной холод там, где сияла искра. Искры не было в ней. Но теперь между ней и женщиной стояла сияющая фигурка мальчишки.

— Уходи, Хине, — голос, казалось, звучал ниоткуда и отовсюду, — возвращайся и передай отцу, что я люблю его. И не виню.

Хине открыла глаза, задыхаясь. В горле что-то было. Она едва успела повернуться и извергла это нечто. Сильные руки Сингха придерживали ее голову, пока она изблеывала остатки тьмы и гнили. В голове прояснилось, но она никак не могла понять, где находится. Вокруг был свет, и она вместе с Сингхом, Тиром, Саджей и его сестрой были в этом свете, кроме которого не было ничего.

— Мы умерли? — прошептала она, цепляясь за руки друзей.

— Пока еще нет, — ответил Саджа, погладив ее по голове, — это Тамо нас прикрыл. Там такое было...

Дышалось наконец-то легко. Хине кое-как села и ощупала то, на чем сидела. Под пальцами была самая обычная земля.

— Эйнару нужна помощь, — прошептала она, — он там совсем один... с Матерью Теней.

Яркую вспышку рассекло багровое пламя. Хине во все глаза смотрела на фигуру громадного черного пса размером с дом, появившуюся в этой вспышке. А потом что-то произошло. Хине казалось, что она снова уснула и видит кошмарный сон, в котором могучие челюсти пса смыкаются на вытянутой руке Коухату те Поури. И вот уже вместо руки обрубок, истекающий черной грязью. А огромный пес мчится по бескрайней равнине к двум фигурам, светлой и темной.

Хине задышалась, понимая, что происходящее там, в долине, становится судьбой мира человеческого. Грудь снова сдавило, словно внутри ворочалось что-то стремительно растущее и темное. Оно заполняло ее, лишая воли. Она успела увидеть склоняющееся над ней лицо Сингха, и мир внутри и извне ее заполнил истошный визг.

Хине с трудом поднялась, высвободившись из объятий Сингха, и побрела к стоящему на возвышении Тамо. Он смотрел на нее, прислонившись плечом к опорному столбу, и в его глазах была только смерть. Он улыбнулся, поднимая пату. Коухату те Поури, стоявший перед ним на коленях, молча прижимал к груди обрубок руки.

— Пстой, — сказала Хине, всеми силами удерживая рвущуюся наружу чужую ярость и отчаяние, — не убивай его. Он подчинился ей, но теперь, когда ее больше нет...

Пату взметнулась, обрушившись на висок Коухату. Темное тело мешком рухнуло к ногам победителя. Тамо поднял окровавленную пату и шагнул к Хине.

— Дитя тьмы должно умереть, — голос его звучал мягко и скорбно, и в глазах была глубокая печаль, — оно должно умереть потому, что червоточина всегда останется в нем и всегда будет угрозой.

— Тогда тебе придется убить большую часть населения Земли, — сказал Саджа откуда-то сзади, — потому что так или иначе Тьма есть в каждом из нас. У каждого человека есть тень, и мы не можем просто отрубить ее. Прошу тебя, Тане, брат, пощади нашу сестру. Она сделала все, чтобы помочь нам одержать верх над Матерью Теней.

Тане... и как она не поняла раньше? Лишь один мог противопоставить свою силу и Свет Матери Теней и ее слугам.

Владыка Тане, один из первородных богов, сын Матери-Земли и Небесного Отца, дарующий цветение и жизнь.

— Я буду рядом с ней и не позволю Тьме сиять внутри нее, — подал голос Сингх, — ты знаешь, брат, мой отец — владыка Сурья, и света во мне хватит на это.

Тане медленно опустил пату. Затем с силой провел ею снизу вверх и снова вниз, рассекая само пространство. Затем сорвал с мертвого тела Коухату драгоценную подвеску, украшавшую его волосы, и швырнул Садже. Тот протянул руки и поймал хрупкое девичье тело, в которое обратилась подвеска. Адини была белее мела, но дышала и озиралась по сторонам. Оказавшись в объятиях Саджи, она тоненько заскулила и вцепилась в него обеими руками.

— Идите домой, — сказал он, глядя на прижавшихся друг к другу ребят, — нечего живым делать в мире мертвых.

Тир поднялся, пошатываясь и опираясь на плечи Вадзилисы. Саджа с Адини на руках и Сингх с Хине последовали за ними. У самого перехода Хине попыталась высвободиться.

— Тамо, а как же ты? Ты не вернешься с нами?

Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Конечно, вернусь, дитя мое. Но моя битва не окончена. А с вас, пожалуй, хватит.

Хине пробудилась от сна. Она не помнила, что ей снилось, но само ощущение было сладостным и светлым. Она потянулась, расправляя затекшее тело, и перевернулась на бок, уткнувшись носом в грудь Сингху, который все еще дрых без задних ног. Оно и понятно, устал после такого-то.

Она поднялась, озираясь по сторонам. Яркое солнце освещало группки учащихся, расположившихся в тени пальм. Кто-то учил уроки, кто-то готовил завтрак, небольшая группа удила рыбу на берегу. Все как обычно.

Хине огляделась, отыскивая Саджу, Вадзилису, Тира и Адини. Они отыскиались чуть поодаль, спящие вповалку прямо на песке. Хине устроилась рядом, с нежностью глядя на их лица, такие родные.

— Эй, просыпайтесь, сони! — Сингх, потягиваясь, примостился рядом и толкнул пяткой ногу Тира. — Солнце встало, завтрак ждет!

— Ну и чего ты вопишь, как акулой укушенный? — проворчал старшина кворр, с трудом принимая вертикальное положение. — Ночка еще та была...

Он зашипел вдруг, скаля зубы. Лицо исказилось так страшно, что Хине невольно попятилась, отталкиваясь пятками от песка.

— А что тут делает эта? — спросила Адини, морщась, словно учуяла неприятный запах. — Она же нас подставила! Она дочь этого ублюдка, который нам столько нервов съел!

Хине смотрела на них, не понимая. Она попыталась было поймать взгляд пробудившегося Саджи, но северянин отвернулся так поспешно, что стало понятно — видеть Хине он не желает.

— А чего ты ждала? — спросил Сингх, словно прочитав ее мысли. — Неужели думала, что вернешься — и все будет как прежде? После всего, что мы из-за тебя пережили?

Хине смотрела на них, на лица, открыто враждебные, угрюмые, и чувствовала, как расползается холод в груди. Она молча поднялась и пошла к морю. Права была Та-Что-Царила-В-Тени, она никогда не была своей для них, и семьи у нее не было. А она-то, глупая, размечталась, клюнула на посулы идиотского призрака, приняла

сторону тех, для кого была лишь плевком тьмы, отродьем чудовища.

Волны ласкали ее ноги. Вода поднималась выше и выше. Хине окунулась, не раскрывая жаберные щели. Поплыла, разгоняясь, опускаясь глубже и глубже. Там, на дне, ей будет спокойно и хорошо. Безо всех этих битв между богами и героями, без необходимости выбора. Смерть принесет долгожданный покой...

...Крики заполняли весь мир. Чьи-то руки трясли ее, гладили лицо, волосы. Чьи-то губы прижимались к ее губам, обжигая. Она заметалась, пытаясь уйти от этого прикосновения. Глаза все же пришлось открыть. И тут же закрыть, потому что вспышки света и тьмы оказались непереносимы.

— Не засыпай, Хине, не смей засыпать! — отчаянный голос прорвался сквозь пелену душевной боли и тоски. Она смотрела на пылающее золотым светом юное прекрасное лицо и не понимала, чего хочет от нее этот человек. Сингх... Вир Сингх...

— Что... — прохрипела она, цепляясь за раскаленные руки парня, — как...

— Не спи! Не закрывай глаза, Хине! Иначе она снова дотянется до тебя!

Хине закашлялась, чувствуя, как внутри что-то поднимается. Ледяное, темное, острое, раздирающее нежное нутро. Она попыталась приподняться, но было так мало сил. Она смотрела, как пять сияющих фигур и одна громадная темная теснят сгусток непроглядной тьмы к пульсирующему portalу. Но сгусток нападал. От него то и дело отрывались клочья и набрасывались на светлые фигуры.

Затошнило, и Хине едва успела повернуться, извергая куски черноты. Горячая ладонь на груди словно изгоняла из нее эту

черноту. Дышать стало легче, в голове прояснилось. Она посмотрела на Сингха, на его прекрасное лицо, пылающее во мраке.

— Помоги им! Им нужен огонь!

— Я не оставляю тебя одну, Хине, — ответил он, прижимая ее к себе, — тебе нельзя оставаться одной.

Она с улыбкой сняла одно из золотых украшений, которые он носил на груди. Маленький золотой медальон с изображением солнца.

— Он поможет мне продержаться до твоего возвращения. Обещаю, я не усну. Но ты должен им помочь!

Она надела медальон, и сразу же стало намного проще выпустить его руку из своей.

— Помнишь гимн Школы? — спросил он, улыбаясь.

— Конечно, помню, — Хине прижалась на миг к его груди щекой. — Ну же, иди!

— А ты пой, громко пой, во весь голос, — сказал он, поднимаясь и расправляя пару громадных золотых крыльев, — это поможет тебе не заснуть.

Он наклонился и поцеловал ее. А потом взмыл в черное пустое небо и помчался, точно солнечный луч, рассекая мрак. Хине вдохнула поглубже и запела.

В самом сердце глубокого моря
Отыщу я жемчужину белую,
Подниму ее из глубины.
Как сияет она в лучах солнца!
Но ярче сияют белые,
Жемчужно-белые башни

На островах, сплетенные магией,
Сплетенные дружбой и любовью.

Язык немного заплетался. Глаза снова начали слипаться. Хине поднялась на ноги, пошатываясь, испытывая непреодолимое желание лечь и уснуть. В самом деле, они ведь справятся сами, подумалось ей. И медальон ее защитит. Так почему бы не поспать?

Пой, мое сердце, пой!
О том, как чисты пески,
О том, как вода солона
И сияют белые кружева
Стен, что хранят знания мира.

Она пела, морщась от ощущения нелепости происходящего. Глупость какая. Петь, когда все остальные сражаются. Но медальон на груди жег кожу и словно вливал в нее силы и упорство. Если Сингх сказал, что надо петь, значит, она будет петь.

В самом сердце Островов
Отыщу я раковину-техире,
Красивую, длинную,
В нее подую, извлекая музыку
Во славу Школы Островов,
Дома для всех, кто стоит на пути познания.

Ее вдруг снова затошнило. И на сей раз тошнота была такая сильная, что Хине показалось, будто душу ее вырывают из тела. Она упала на колени и исторгла из себя нечто, что на первый взгляд показалось еще одним сгустком тьмы. Но то была не тьма. На земле перед ней копошился небольшой черный червяк, и там, где он проползал, оставалась полоса сожженного камня. Не размышляя особо, Хине подобрала большой камень и с силой опустила его на мелкую мерзкую тварь...

Истошный вопль заставил содрогнуться сами небеса. Хине повалилась наземь, почти теряя сознание от этого чудовищного

звука, зажимая уши. А потом вдруг все утихло. Мир вокруг рассыпался, точно песок. И она рассыпалась вместе с ним.

Эпилог

Урок сверхчувствования проходил на атолле Те-Рири. Зевая и потягиваясь, Хине брела к порталу переброски. За ее спиной Саджа и Адини болтали, обсуждая вечеринку, которая была запланирована на конец семестра. Тир и Вадзилиса шли поодаль, о чем-то беседуя. Их группы проводили сегодня совмещенное занятие.

— Привет, райская пташка, — весело сказал Сингх, догнав группу, — увидимся вечером?

— Увидимся, — улыбнулась Хине, касаясь его медальона на шее, — куда пойдём?

— К водопадам Матуаре, — Сингх нежно приобнял ее за плечи и поцеловал в висок, — я вчера там видел гнездо необычных пташек. Ультрамариново-синие, никогда таких не встречал!

— Ой, — Хине тихонько пискнула от восторга, — это же те-хари! Птицы счастья!

— В самый раз для свидания с прекрасной пташкой, — мурлыкнул Сингх, — до встречи, моя искорка.

— До встречи, Вир, — Хине погладила его по руке и проводила взглядом.

С момента их возвращения из Мира Мертвых прошла неделя. Хине ловила мгновения, мысли, детали окружения, боясь, что это снова обман. Но сны о тьме и боли больше не посещали ее. Через два дня после возвращения ей принесли весть от Теке. Отца не стало. Теке вместе с матерью перебрались в селение ее родителей, потому что самому Теке очень сильно нездоровилось. Бабушка его

матери, знахарка, взялась его лечить. Но он очень скучал по сестре и просил возможности увидеться.

— Откроем для тебя портал до Аромаи, — сказал Тир, когда Хине, с трудом сдерживая слезы, зачитала послание, — думаю, наставники позволят в качестве исключения. В конце концов, твой брат тоже носитель крови Фиро.

Он погладил по голове сжавшуюся в комок Хине и обнял ее. И остальные тоже обняли, сбившись в кучу. И Хине все-таки расплакалась, но уже от счастья и чувства покоя и тепла.

— Ты спасла нас, детка, — тихо говорил Тир, укачивая ее в объятиях, — не раздави ты ту тварь, не вышло бы у нас победить. Да и Тамо сказал, что без тебя не было бы победы. Ты выманила Зло и помогла уничтожить его. Ну не плачь, Хине. Ну что ты?

Но она все плакала и плакала, словно новорожденный ребенок, пытающийся убедить мир в том, что он жив и наконец-то пришел.

Хине вздохнула, цепляя сетку к поясу. Бросила взгляд на профессора Ленга, разъяснявшего особенности задания самым непонятливым. Некстати пришло воспоминание о том, как они познакомились с Тамо. Внутри заныло от тоски. Тамо... пусть он оказался древним могущественным богом, все равно для нее он стал одним из братьев. Он был рядом, когда они нуждались в нем. И Хине видела, что остальные ребята тоже по нему скучают.

Профессор отдал команду, и они двинулись в воду. Хине нырнула и поплыла, раскрыв жабры. Она постаралась сосредоточиться на поиске раковин, но мысли уводили в прошлое. Так что она не сразу поняла, что над головой пронеслась темная громадная тень.

Ребята мчались к берегу, потому что в этом атолле укрыться было негде. Громадная акула кружила, пытаясь определиться с добычей,

когда вторая тень, поменьше, пронеслась к ней и с силой ударила в бок.

Хине доплыла и выбралась на берег, стуча зубами от пережитого страха. Но страх ушел, словно испарился, когда высокая фигура вынырнула и двинулась к берегу. Хине услышала визг Адини и увидела, как она мчится к огромному танифе, стремительно меняющему акулю голову и кожу на человеческую. Она и сама уже бежала, чуть не рыдая от счастья, а потом сидела, угнездившись на широком плече смеющегося Тамо. Адини на втором плече хохотала и трепала его за волосы.

— Как же ты решился вернуться? — спросила Хине, обнимая растрепанную голову танифы.

— Так обучение же не закончил, — резонно ответил Тамо, выходя на берег. — В конце концов, я еще многого не знаю. Вот и вернулся. Эй, вы что, так и не поняли? Я это я... ну, дядюшка Тане просто занял тело, когда возникла необходимость. А так-то я это я.

— И это прекрасно! — хором сказали обе девушки, расцеловывая его в щеки.

Тамо со смехом покрутил их вокруг своей оси и поставил на песок.

— Простите, профессор, — сказал он подбежавшему Эйдану, — я не хотел задерживаться, но пришлось аж с Раникеи плыть.

— Рад, что ты вернулся, Тамо, — от всего сердца обнял его наставник, — пока ты все еще в Шестнадцатой семье. Если захочешь перевестись...

Тамо обвел взглядом сбившихся вокруг него кворр, обнял их, сколько рук хватило, и ослепительно улыбнулся.

— Нет, профессор. Не захочу.